

Творческое содружество поэтов, писателей, художников и музыкантов

«Червоне – то любов, а чорне – то журба»

Ольга Трасол
2025

октябрь 2025

ЖИТТЯ

№ 6

Над выпуском работали:

Главный редактор:

Влад Галант

Редактор выпуска:

Карина Исакаева

Технические редакторы:

Карина Исакаева

Вера Арболь

Яков Наерман

Мирослава Китеж

Обложка:

Ольга Прасол, «Червоне – то любов, а чорне – то журба», 2025 г.

Обложка рубрики «Иголочка»:

Ольга Прасол, «Непобедимая хрупкость», 2025 г.

Дизайнер выпуска:

Яна Кирикова

Редактор выпуска на сайте igla.press:

Олег Швырка

Особая благодарность Вере Арболь за озвучку большинства произведений, которые доступны на нашем сайте

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

5-32

Виктор Тумаркин	6-7
Татьяна Демьяненко	8-9
Петрова Ю.	10-11
Валерия Садковская	12-13
Ольга Прасол	14
Римма Гольдман	15
Александр Синдаловский	16-19
Александр Лебедев	20-21
Изабелла Гальперин	22
Карина Исакаева	23
Тикки А. Шельен	24-25
Ирина Легонькова	26-27
Данила Левицкий	27
Ирит	28
Георгий Гришко	29
Алька Искрова	30
Владимир Гурвич	31
Семен Патлис	32

ПРОЗА

33-77

Алексей Высоков	34-35
Арнольд Коптев	36-37
Яков Наерман	38-41
Вера Арболь	42-50
Георгий Ефремов	51
Мирослава Китеж	52-55
Алиса Дербенёва	56-63
Алька Искрова	64-66
Ева Хоффман	67-71
Антон Манаков	72-74
Максим Лимонов	75-77

ЗОНА
ТВОРЧЕСТВА

79-84

Анна Александрова	79-82
ПЗК С.	83
Е.Ш	84

ИГОЛОЧКА

85-94

Карина Исакаева	86
Георгий Ефремов	87
Сергей Смелянский	88
Р. Гор	89
Ирит	89
Георгий Ефремов	90-93
Ольга Щедринская	94

Карина Исакаева

*Писатель, редактор, биолог,
преподаватель, маркетолог*

Сменила несколько стран и профессий.
Жила в Латвии, Грузии, Литве и в Украине.
Писательницей мечтала стать с детства.
Война лишила дома, но научила
не откладывать хорошие дела на потом.

СПАСИБО,
ЧТО ИДЁТЕ
С НАМИ.

Дорогие друзья!

Вы держите в руках шестой выпуск альманаха «Игла».

Шестой раз в зале меркнет свет, луч прожектора освещает благородный бархат, занавес медленно открывается... На сцене – жизнь! Встречи, расставания, слезы, улыбки, радость, надежда, горе, война... и снова свет, любовь, детский смех. Да-да, сегодня мы приготовили вам сюрприз – часть нашего альманаха мы посвятили детям.

Конечно, их любопытные носики выглядывают из многих работ наших авторов, но именно сегодня для юных читателей открыта малая сцена – раздел «Иголочка»!

Вас ждет встреча со сказкой, да не простой, а терапевтической. В неожиданной роли выступят знакомые вам авторы: серьезные писатели иногда шалят и пишут веселые стихи и увлекательные истории.

Ни и какой же театр без пьес? В этом выпуске жанр пьесы присутствует впервые.

Так же на сцене «Иглы» дебютанты:

Изабелла Гальперин, ищущая ответ на вопрос: «Как появляются стихи?», Римма Гольдман, творящая поэзию из пыльцы с крыльев бабочки, рожденный на берегах Невы пенсильванец Александр Синдаловский со стихами-сонатами, опытный айтишник и начинающий прозаик Алексей Высоков с рассказом, актриса жизненных подмостков Ева Хоффман с фантастическим произведением, вечный одессит Сергей Смелянский со стихами для детей и искрометная Алька Искрова со своими питомцами.

Открою секрет. Еще недавно наши авторы были нашими читателями! Это в драматическом театре путь из зала на сцену сложен, но в театре «терапевтических действий» другие правила. И если в вашей душе бушуют рифмы или льется река прозы, не сдерживайте себя – пишите и приходите в «Иглу».

С уважением, Карина Исакаева

БЫТИЯ ФАВОРИТЫ
НЕ УМРУТ, А ЗАЙДУТ
В ХРИЗОЛИТ, В ИЗУМРУД,
В АМЕТИСТЫ, АГАТЫ, НЕФРИТЫ.

ПОЭЗИЯ

Виктор Тумаркин

Израиль

Монолог

Диктатор! Шут! Притягивает войны.
 Видать, привык разыгрывать паяца.
 Ведь мог капитулировать достойно,
 Так нет тебе! Полез сопротивляться.
 И что в итоге? Лишь одни руины.
 Убитых тьма, кругом сплошные беды.
 Что, этого хотела Украина,
 Когда поперла задирать соседа?
 Я прекращу войну, закончу муки.
 Решим с Россией к марту или к маю.
 И что мне все вокруг кричат про Мюнхен?
 При чем здесь Мюнхен? Я не понимаю.

ИСТОРИЯ МЧИТСЯ ПО КРУГУ.
 САДНИТ НЕЗАЖИТАЯ РАНА.

Словно в дни потопа,
 Божий суд жесток.
 Трепещи, Европа!
 Трепещи, Восток!
 Не дави на милость,
 Знай: дела плохи.
 Всех погубит вирус –
 Велики грехи.
 Только Русь, надеюсь,
 Не пойдет ко дну.
 Юный росгвардеец
 Защитит страну.
 Отведет заразу
 Он от стен Кремля,
 Сохранит запасы
 Нефти и угля.
 И поймет планета:
 Русь – всему оплот!
 Выпей же за это,
 Если патриот.
 2020 г.

История мчится по кругу.
 Саднит незажитая рана.
 Надежда на сильную руку
 Всегда порождает тирана.
 Но, впрочем, и этого мало.
 Прогнозы на редкость паршивы:
 Плодятся его подпевалы –
 Тиранчики мелких пошибов.
 Повсюду пролезла зараза.
 Не выйти из этого круга:
 – Мы лишь исполняем приказы, –
 Твердит в оправданье обслуга.

Виктор Тумаркин

Израиль

Песни идиотов

Я не безмозглая скотина,
 И я вам это докажу:
 Пойду, признаю Палестину!
 Ведь ясно каждому ежу,
 Что злые, подлые евреи
 Хотят свести ее на нет,
 И мир обязан поскорее
 Им дать решительный ответ.
 Израиль весь – сплошной оазис,
 Сочится виноградный сок,
 А рядом – в угнетенной Газе
 Лишь море, камни и песок.
 Несправедливо это, братцы!
 И нам давно уже пора
 За все с жидами рассчитаться.
 Чтоб ни кола и ни двора!
 Их мировую паутину
 Мы разнесем напором масс.
 Пойду, признаю Палестину!
 А заодно вступлю в ХАМАС.

Опять евреи всех достали!
 Как раздробить их мерзкий нос?
 Пытался Гитлер, рвался Сталин.
 Нет, никому не удалось.
 Их тьма. Но сил собрав запасы,
 Извергнув сердцем трубный глас,
 Весь мир под знаменем ХАМАСа
 Объединяется сейчас.
 Весь мир объят священной злобой
 И жаждет: от морей до рек
 Ни одного еврея чтобы...

О, Боже! Двадцать первый век.

**Татьяна
Демьяненко**
Украина

ВЫЖИТЬ

Снова день проснулся на рассвете,
Спрятав в облаке прозрачную луну,
Как живёшь сейчас на этом свете,
Женщина, познавшая войну?

Может ждёшь, надеешься на чудо,
Что приедет сын с войны домой,
Сердцем чувствуя, что если это будет,
То к тебе вернётся рай земной.

Может ты сейчас с утра в Варшаве
Ставишь турку с кофе на плиту,
И винить никто тебя не в праве
За твою такую правоту.

Может в Харькове с любимой собакой
В ванной прячешься, по правилам двух стен,
И сейчас в одной ночной рубаше
Попадаешь снова под обстрел.

Ты сейчас как раненая птица,
Гнезда прячешь под своим крылом,
Нет препятствий, снесены границы,
Вся земля теперь и есть твой дом!

Каждый день ты ходишь, как по краю,
В поисках покоя, тишины,
От печалей и тревог сгорая,
Как живёшь ты, Женщина войны?

И, наверное, смертельно ты устала,
На плечах – вся тяжесть бытия.
Очень сложно жизнь начать сначала,
Но ты выживешь, конечно,
Как и я.

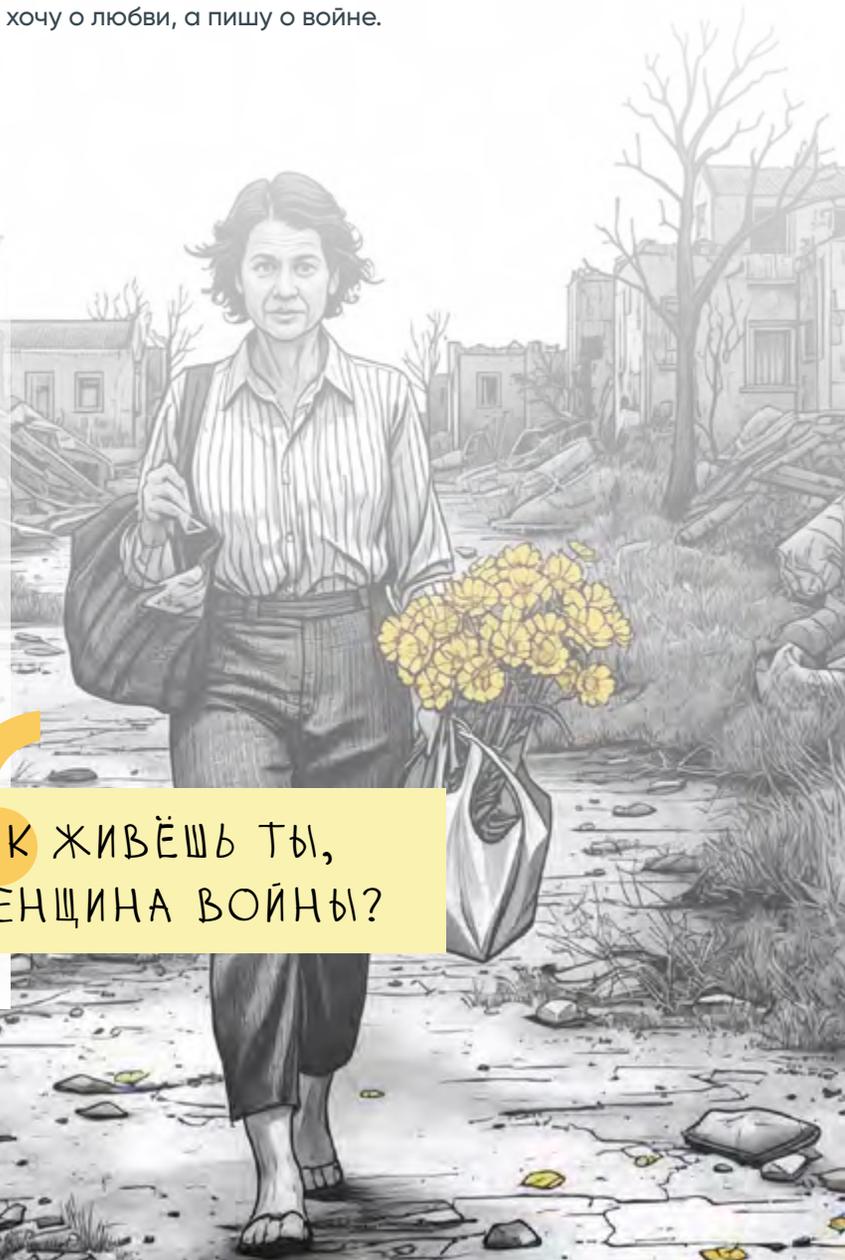
Я хочу о любви

Я хочу о любви! Надоела война!
Надоели тревоги и врагов имена.
Надоели бомбежки от незваных гостей,
А ещё потрясения – от новостей.

Я хочу о любви! Нету сил горевать.
Не хочу из груди сердце вновь вырывать.
Чтобы встретились двое, где ромашки в полях,
Небо чтоб голубое, а не горе и страх.

Только чёрные птицы расклевали слова,
И на белой странице моя мысль не жива.
И теперь я не знаю, как писать о весне,
Я хочу о любви, а пишу о войне.

КАК ЖИВЁШЬ ТЫ,
ЖЕНЩИНА ВОЙНЫ?

Душа

Внутри меня душа была
И целый космос,
Там жили нужные слова,
Сверкали звёзды.
Смотрела мне в окно луна
Своим моноклем,
Да только черная война
Разбила стекла.

Внутри меня горят дома.
И пепелища.
В душе разбитые слова
И ветер свищет.
Летят осколки от души,
И так неважно,
Где на окне мои цветы.
Уже не страшно.

Внутри меня была любовь
И целый космос!
Теперь запекшаяся кровь –
Обратный осмос.
И стать давно внутри пора
Уже железной,
А у меня в душе дыра
И горя бездна...

Татьяна Демьяненко

Украина

Крылья

Мои белые крылья сломаны,
И за все есть своя расплата.
Мои дни на печаль умножены
Перед точкою невозврата.

Нам война разделила небо,
Разбросав по земле скрижали,
Чтобы люди, как крошку хлеба,
Свое счастье во тьме искали.

Год один и другой промчался...
А теперь уж четвертый будет.
Кто уехал, а кто остался,
Всех нас время и смерть рассудит.

Время движется по спирали,
Память милостиво распята.
Разве вы ещё не стояли
Перед точкою невозврата?

Ну а я все грущу о чуде
И живу лишь одной надеждой,
Понимая: уже не будет
Никогда жизнь такой, как прежде.

Мои белые крылья сломаны,
Есть лишь черные, что из ада.
И, похоже, что мною пройдена,
Точка страшного невозврата.

Похвали меня, мама – за борщ и компот,
За вишнёвый закат и брусничный восход,
Похвали меня, мама, за руки –
В них твои помещаются внуки.

Похвали меня, мама, за хаос в доме –
Я его приберу или клининг найму,
Я вам всем пригожусь, обещаю, –
Вот ещё со стихом повалежусь.

За пушистое тесто, за чистый фаянс,
За гормонов невиданный дисбаланс,
Зарыдаю лобастой белухой –
Милуй, Шива, меня, многорукий.

Суп варю, а полы вытираю ногой
Или сыну звоню и теряю покой,
Всё одно – похвали меня, мама,
Дочку жаркого Андижана.

Намекни иногда, в чём же я удалась,
Как я синему морю по сердцу пришлась –
В точь киношный твой друг Ихтиандр.

С неба прадед глядит Александр:
«Нафига ты опять завелась?»

Петрова Ю.

Бельгия

Лесной орех, запаянный в нуге,
Комар в смоле и лодочка в затоне,
Изюм, увязший в сладком твороге, –
Вся эта жизнь на августовском фоне.

Такие длинные льняные облака,
Под ними море шелестит живое,
И день сурка, привычный день сурка –
Для бытия название недурное.

Помоешь пол, коту нальёшь воды,
К обеду сварить гречневую кашу,
Что лето к нам остыло – нет беды,
Пусть осень навестит округу нашу.

Прогоркнет в вазочке турецкая нуга,
Орех янтарный потеряет сладость.
В Luilekkerland* , на этих берегах,
Всё это мелочи, поверь мне, моя радость

* Luilekkerland (букв. «лениво-сладкая страна») – это нидерландское название мифической «Страны лентяев», или Кокейна, изображённой на одноимённой картине Питера Брейгеля Старшего 1567 года.

Петрова Ю.

Не пристало облакам
Плыть так низко над водой,
Тонкой коже на руках –
Крем положен с кислотой,
К лёгким пущен кислород,
Кофе кружит в молоке,
А неспешный теплоход
Будет в Глазго налегке.

Непривычных минус три,
Изморозь в сухой траве,
Смилуйся, не отбери
День в прошедшем ноябре,
В нём прохожий под зонтом,
На ботинке жёлтый лист,
А над тонкогубым ртом,
Венки синие сплелись.

А завяжется урюк,
Вишня с кислой алычой,
Мне на радость будет внук,
Нежный мальчик золотой,
Что за печкою сверчок,
Стану петь ему сама,
Придёт серенький волчок –
Изойдёт зима.

Неспокойно в верхнем средостении,
задержу дыхание на мгновение,
экстрасистола уляжется едва.
Из агата бусины холодные,
бузины вино, к обеду годное,
чтоб с русалками до Рождества
дотянуть. Пыльца, корица, лотосы,
кольцевые жёлтые автобусы,
дети наши – в соли и песке.
Йодным духом ты меня приманивай,
в колокольчик синенький позванивай,
знак пошли хвостом невдалеке.
Помогу тебе ещё, сестра моя –
ситцевым бельём ворочать у ручья,
спорить о пустяшном по-людски:
как тревожно дышит латимерия,
чувствуя, что отрасли намеренно
кистепёрых рыбин плавники.

Герої вмирають, все інше – слова,
Що якось тримають їх рідних на світі.
Вже сива тремтить молода удова,
І тихо завмерли згорьовані діти.

А мати, свою поховавши дитину,
Самотність таку відчуває в душі,
Що поряд готова лягти в домовину.
І їй не потрібні слова чи вірші.

Батьки не повинні ховати дітей.
Це проти природи є злочин і Бога!
А матір не може розплющить очей,
І знов розриває повітря тривога.

Вони не повернуться більше з війни.
І навіть якщо дочекається мама,
В окопах залишаться наші сини,
Не відкривається вдруге ця брама.

...Лунають останні слова побратимів,
Нагадують маки і рута їм кров,
Вночі їх рятують лиш жінки обійми,
Тримає на світі цих хлопців любов...

Я ни о чем хочу писать стихи,
Навеянные теплою погодой.
И, вспоминая детские грехи,
Вздыхать легко о прошлом понемногу.

В восторге от весенней кутерьмы
Вязала б шарф из слов без остановки.
Как с ягодой сезонной пироги,
Пекла с азартом милые рифмовки.

Ведь так призывно бьют в окно лучи,
И кошка грациозно ловит солнце.
...Тревога вдруг привычно закричит,
Безногого увидя незнакомца.

Истошный вой нас выдернет из сна,
По звуку понял, что за вид шахеда.
И яростно, чтоб не сойти с ума,
Чуму зовёшь на голову соседа...

Валерия
Садковская
Украина

Чистый четверг

Убираю отчаянно, яростно дом.
Всё долой, что так долго хранилось.
Сумки нет с безразмерным для этого дном.
Так зачем нам, скажите на милость?

Всё придется оставить когда-то за миг,
Только дети с собой, документы.
В чем была, когда вал не последний настиг,
Остаешься в своей киноленте,

Чёрно-белой, в которой промозглый февраль...
Так нам бабушки в детстве внушали.
Как молитву читали, как в басне мораль,
Что дитя привязать к груди шалью –

Безопасно, тепло и свобода для рук.
А кольцо, если есть, будешь с хлебом.
Может все повториться, не будь близорук!
Очень страшно жилось им под небом...

Окна моют лишь те, у кого они есть.
Разрисуем на Пасху фанеру!
Подхватили мы ваш, наши бабушки, крест
И несем, не утративши веру...

ВНОЧІ ЇХ РЯТУЮТЬ
ЛИШ ЖІНКИ ОБІЙМИ,
ТРИМАЄ НА СВІТІ
ЦИХ ХЛОПЦІВ ЛЮБОВ...

Из тонкой рюмочки зелёного стекла
Цедила август, как ликер грушевый.
Растрёпанная пряная астра цвела.
Нектар-варенье сварено с душою.

Мерцает сладостно, призывно всех сортов:
Мы лето безуспешно ловим в банки!
Ещё богат без первой желтизны покров,
А сливы – самоцветы без огранки.

Во всех садах на землю падают плоды,
Летали паутинки здесь намедни.
В разгаре сельские извечные труды,
И ценишь каждый день, как грош последний...

Кипит, звучит борща пронзительный аккорд,
Чеснок в нем, горький перец и надежда.
Незримо осень дополняет натюрморт.
И ничего не будет так, как прежде...

Бесполезно от мыслей заснуть.
Ночь – полярная, день, будто куций.
Где взять силы пройти этот путь?
И нельзя от кошмара проснуться!
А луна – словно белая ртуть...
Мы не сможем с войны все вернуться...

Был прожжен мой листок в тех местах,
Где упало кровавое слово.
Дом горит от меня в ста верстах.
Убивают нас снова и снова!
На семи ночь распяли ветрах...
Кто-то жизни лишился, кто – крова...

Я с опаской беру телефон,
От смертельных вестей он горячий.
Вой сирены – теперь просто фон.
Утром жив – значит день был удачный!
Мать над сыном скребёт тот бетон...
И нелепый в развалинах мячик...

Валерия Садковская

Ничего не могу написать.
Я, наверно, уж всё сказала.
Как кричит в исступлении мать!
Мне всех слов, что на свете есть, мало...

Передать невозможно ту боль,
И вторичны сравнения фразы...
Превращаются в укус и соль,
Рифмовать их откажется разум.

На плече у соседки моей
Появилась недавно татушка:
Имена двух любимых детей.
– Если что, опознаешь, подружка?

Есть у сына, смотри, скарабей...
– Помолчи, – мой протест прерывает.
Чтобы в морге смогли без затей...
Мы приезжие, здесь нас не знают...

А у дочки на сгибе локтя,
Там, где самое нежное место,
Поселилась фигурка кота.
Позывной, чьей осталась невестой...

Не задуй, Боже, нашу свечу!
Что сказать им, я даже не знаю.
Обнимаю, беззвучно кричу...

В нашей жизни опять минус лето
Вдаль скользнуло хвостом трамвая.
На войну не наложишь вето
Вновь сирена, как волк, завывает.

Не вернуть разрушенные мосты,
Нет смысла перебираться вплавь,
Как и спорить до хрипоты –
Просто слишком разная у нас явь

Принцип счастья – «уметь отпускать».
Только где же на это взять силы?
Нас религия учит прощать,
Только жизнь вот прощать разучила

Нервы на грани срыва
Сон улетает долой –
Ночью считаем взрывы
...Второй... четвертый... шестой...

Ты словно простой фрегат
В детской игре «Морской бой»
Снова шахеды кружат
Сбитие справа, стой!

...Восемь, девять... семнадцать...
Ранен, мимо, попал, убит
И смс-ки вкратце:
«Мы норм. Но еще летит»

В формуле жизни известен ответ
Отличаются лишь дороги
Вычту темень, прибавлю свет
Разделю пополам тревоги
Что дано? На сегодня – лето
Разнотравье, дожди, луга
Счастье просто дожить до рассвета
Ведь за скобками – здесь война
Взрывы все разбивают на дробы
Запах лип одуряющий льется
С возведенной в квадрат любовью
Умножаю тепло. Прорвемся?

Ольга Прасол
Украина

«Скажи «Паляниця» История картины на гильзе

Она написана мною по фото, которым поделился мой приятель Леонидыч. Сейчас он воюет, а в то время серьезно волонтерил.

Фотографию он сделал в селе Русская Лозовая под Харьковом, которое больше двух месяцев было в оккупации. В начале мая 2022-го село освободили. И Леонидыч в числе первых прорвался туда с продуктами для местных жителей, выживавших эти два месяца впроголодь на остатках запасов с зимы. Детям захватил конфет.

Малыши, чумазые, голодные, радовались нашим даже больше измученных родителей и кричали «Слава Україні!»

Один из мальчиков, поблагодарив за конфеты, попросил: «Дядечку, а можна нам краще хлібчика наступного разу?»

Немало повидавшего огрубевшего мужчину эти слова проняли почти до слез, и на следующий день он привез детям ящик свежееиспеченных душистых паляниц, с одной из которых и сфотографировал счастливого мальчишку.

Гильза продана на аукционе, в Америке, на вырученные деньги закуплены турникеты для подразделения ЗСУ.

“ В НАШЕЙ ЖИЗНИ
ОПЯТЬ МИНУС ЛЕТО...”

Любовь

...И даже в странах отдаленных
В любви веселых очень мало.
По-настоящему влюбленных
Не встретишь в центре карнавала.

Под маской шутовской паяца
Ромео прятаться не может.
Любовь приучена бояться
Того, кто зря ее тревожит.

Кто на пути к желанной Мекке
Хоть раз пытался обернуться,
Тому она в святые реки
Не позволяет окунуться.

И лишь когда, отведав яда,
Вы задрожите от агонии,
Любовь присядет с вами рядом,
На лоб вам положив ладони.

Бальзам на травах и надежде
Она подаст в ковше хрустальном,
И то, что было с вами прежде,
Вдруг станет мнимым, нереальным.

Все женщины, испив бальзама,
К себе влекут, как Ариадны,
И превращается в Адама
Мужчина самый заурядный.

В молчании уединенных
Любовь восходит солнцем алым.
По-настоящему влюбленных
Не встретишь в центре карнавала...

Римма Гольдман
США

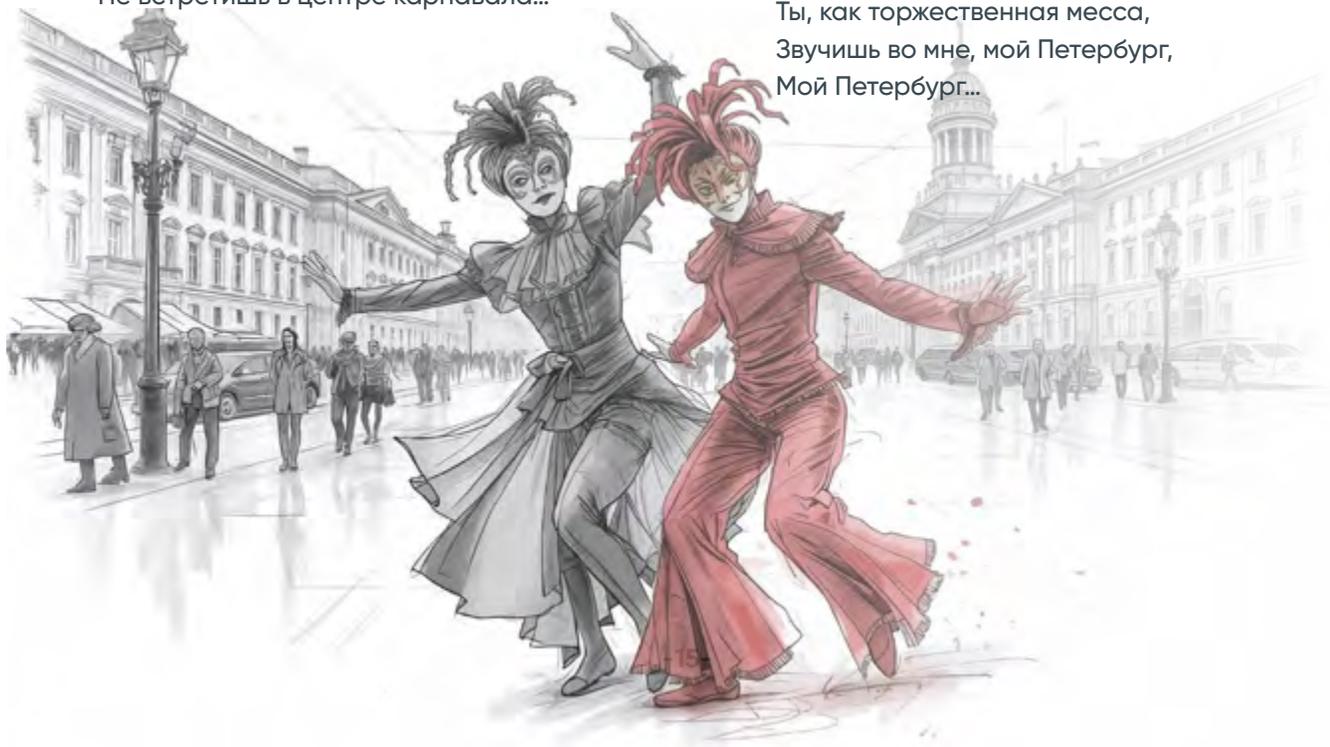

Мой Петербург

Мой Петербург – каналы воды,
Мой Петербург – мосты, мосты,
Мой Петербург – соборов своды,
Над колокольнями кресты.
Мой Петербург – святая Мекка,
Решеток кружевной узор,
Черты Серебряного века
Ты сохраняешь до сих пор.

Мой Петербург – фонтаны, шпили,
Колонны, арки и дворцы.
О Боже, как тебя любили
России лучшие певцы!
Мой Петербург – Невы прохлада,
Камней гранитных серый тон,
Скульптуры на аллеях сада,
И Стрелки круглый медальон.

Мой Петербург – ряды Пассажа,
И Черной Речки вечный шрам,
Ты весь – полотна Эрмитажа,
Ты – Пушкин, Блок и Мандельштам.
Ты – книжник, театрал, повеса.
Ты – отравитель и хирург.
Ты, как торжественная месса,
Звучишь во мне, мой Петербург,
Мой Петербург...

Вещие зеркала

Нам в зеркалах доводилось встречать
Потусторонние души:
Видит себя в зазеркалье свеча
Падшей, оплывшей, потухшей
Спичкой, лучиной (не здесь, но сейчас),
Щепкой в пучине без суши.

Вдруг отражается в зеркале волн
Призраком парусник прочный.
Из-за колонн неприступный закон
Зрит беззакония ночи,
Словно бы стал исключением он
Лишним, пустым, одиночным.

Отображается солнечный диск
Лунным осколком в зеркале:
Слава небесная в нем позади,
Черви разлада закрались.
Смотрит на месяц рогатый сатир,
Тающий в зыбком астрале.

Но и волшебную призму зеркал
Пряжей ветвистой паучьей,
Словно от паводков вздута река,
Трещины вещие вспучат –
Тропы, что к цели (пускай далека)
Выведут благополучно.

В мире ином и приюте теней,
Призрак прозрачный в полете
Вечно скорбит, и тоскуют сильней
Души по формам и плоти.
Память бывшего – портрет на стене
С зеркалом тусклым напротив.

Александр
Синдаловский
США

Детали

Дьявол в деталях.
Бог в мелочах.
Нас задевали,
Что не смолчать.

Реже идеи,
Чем пустяки:
Ими осмеян
Пафос стихий.

Не из-за шторма
Тонут суда,
Гибель которым –
В трюме вода.

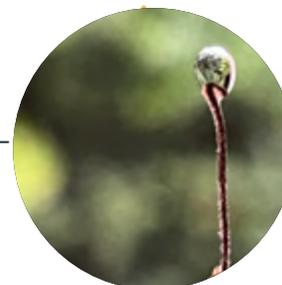
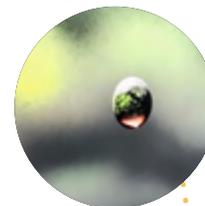
Женщины тайна
Вся из частиц
Чисто случайных.
Весь из синиц

Лик журавлиный –
Призрак небес:
Функция линий,
Скинувших вес.

Псы издевались,
Жертву травя,
В тонких деталях –
Не торопясь.

Музы Парнаса –
Нервов резерв:
Всё из нюансов
В музыке сфер.

Царский подарок –
Жизни, но жаль,
В нем не хватает...
Впрочем, деталь.

Александр Синдаловский

АССИМИЛЯЦИЯ

Изумрудная мушка
Прижималась к листу.
Кто прильнул, тот заснул,
А уснувшему в мире не скучно.

Изумрудная мушка
Обнималась с листом,
В темном царстве лесном
Растворяясь, как призрак, послушно.

Изумрудная мушка
Стала частью листа,
Как бывает блесна
Частью рыбы, ее заглотившей.

Мушка из изумруда
И с листом заодно,
Словно с озером – дно,
И с волною – плывущее судно,

Исчезают создания,
Но обманчива смерть:
Четких форм не иметь,
Но вернуться в субстрат первозданный.

Бытия фавориты
Не умрут, а зайдут
В хризолит, в изумруд,
В аметисты, агаты, нефриты.

Изумительно смутно
Рядом вторит светляк –
Мушке брат и свояк
В этом мире, наверно, кому-то.

УЛОВКИ УЛИТКИ

Ползи, улитка,
Не торопясь:
Одни убытки
От скоростей.
Лист чистый сверху,
А снизу грязь.
Плохие вести
Давно везде.

Ползи неспешно –
Как узок лист!
Ты только пешка
В игре планет.
Упали навзничь,
Кто вознеслись,
Или иначе,
А толку нет.

Твой домик сносный
Всегда с тобой:
Вовне удобства,
Впритык жилплощадь,
Зато недолго
Бежать домой –
Послать мир к богу
И облапошить.

Ты осторожна:
Ведь распознать
Способны рожки
Беду на ощупь.
Ты близорука
И среди сна
Внимаешь звукам
Тревожной ночи.

Ползи, улитка,
Салфеткой лист.
Твой дом элитный –
Лицей-теплица.
Пронесся где-то
Мотоциклист,
А, может, лето,
Как тень от птицы.
23 июня, 2025

Двойное падение

Ты на ниточке повисла,
Капля с неба, над землей.
Мир подлунный населен
Содержанием без смысла.

Может, скоро упадешь,
Можешь каплю продержаться:
Есть выносливость у граций,
Хоть отдаться невтерпех.

Ты прозрачна и кругла,
И небесного разлива –
Как хрусталь, для глаз красива,
Как изящный взмах крыла,

Как звезда в вечернем небе,
Словно жемчуг на груди
Женской (женщин наградил
Щедро Бог, хоть с ними не был).

Толку мало, смысла нет:
Все равно упасть придется
Незаметно, быстро, просто,
Не в ладонь, бокал, сонет,

Но без цели и следа –
Вниз, где все давно промокло,
Слившись с хлябями без проку.
Впрочем, так же и сюда –

Звонкой каплей в стих сырой,
В жанре импрессионизма –
Никогда не будет издан,
В чем отчасти схож с дырой.

Но и в нем мерцает свет
И была б крупница правды,
Только правды, без бравады
Если, может быть, и нет.

Александр Синдаловский

На ходулях

Наплевать, что обманули:
Ты залезла на ходули
И теперь гораздо выше
Тех людей, кто просто вышел.

Ничего тебе не страшно:
Угасает день вчерашний,
Полный боли и обмана.
Под каблук мужчин – осанна!

Пустьяки, что парень кинул:
Нарядилась арлекином.
Ромбы, клетки и полоски –
Это детства отголоски:

Голос детства – чистый, звонкий,
Не завернут мутной пленкой,
И парик пылает рыжий.
Зыби дальше, звезды ближе.

Дальше змеи, ближе птицы.
Только страшно оступиться.
На ходулях – тонких палках
Ты ступаешь, как русалка,

Кого выманил из моря
Зов соблазна, взяв измором,
И теперь она по суше
Спотыкается послушно.

Александр Синдаловский

Королева червей

Посвящается Лене А.

Есть в моей колоде карта,
Чей не сломлен дух обидой:
Хоть потерта, но шикарна,
Хоть потрепана – не бита.

Что ни ход ее – то жребий
И условие задачи,
Но расклада сложный ребус
Прячет в прикупе удачу.

Пусть она в колоде тонет,
Силы к играм на исходе –
У нее высокий тонус
И наряды по погоде.

И король ее беспутный
На нее глядит валетом,
Рядом с нею, хоть и плут он,
Себя чувствует поэтом.

Знать, счастливую рубашку
Получила при раздаче,
Ибо проигрыш вчерашний
Для нее немного значит.

Хоть тасована стократно
И крапленая, как шельма,
Но в душе аристократка,
И тверды ее решения.

Пусть везет ей в карты редко,
Но в любви фартит, однако –
Это чувство, как рулетка
Монте-Карло, что в Монако.

У нее есть редкий козырь
И рецепт остаться целой:
На корону выше козней
Быть, себе постигнув цену.

Александр Лебедев

Зуб даю

Да ладно бы только Каретный мой ряд,
и старости тихой заначку,
он отнял застолья с друзьями обряд
и, сука, он отнял СОБАЧКУ!

Ей не было места на наш самолёт,
её приютила соседка.
Собачка за нас в нашем доме живёт
и нас вспоминает, но редко.

Остаться тогда не могли мы никак –
был воздух для совести вредный...
Мы спросим с него за друзей и собак,
однажды вернувшись в Каретный!

Прощальное

Ах, «Яма», что на Дмитровке,
пивной шалман на Пушкинской,
где пиво пили литрами
и были очень русскими,
где были очень смелыми
в беседах с незнакомцами,
пушистыми и белым
в своих клифтах покоцанных.
Ах, юность – дни застойные,
солёные, былинные,
весёлые, достойные,
московские, недлинные...
Полвека, как мгновение,
уже в Неглинку кануло
и тлена дуновение
негаданно нагрянуло,
смело седые волосы
на неродные улицы,
но, всё же, тем же голосом
поётся и рифмуется!
Прощай Москва беспечная,
страна моя несчастная,
любовь моя извечная,
и Площадь бесконечная,
от братской крови Красная!

Изабелла Гальперин
США

Десять

Говорить людям правильные слова
 Это, пожалуй, один... и два.
 Обращать внимание, вовремя замолкнуть –
 Это, скорее всего, три, четыре и пять.
 Обнимать тепло, когда одиноко, не лезть в душу, когда не просят
 Это вроде бы так легко, и все же: шесть, семь и немножко восемь.
 Не усиливать, не умножать ощущение, когда все просто бесят.
 Это, знаешь, сложнее всего, и это: девять и даже десять.

Свободен

Сегодня так страшно, так странно и одиноко.
 Когда ждёшь вестей, а вести приходят с востока.
 Когда они входят в твой дом без спроса, без стука.
 И ты понимаешь смысл слова разлука.

Мы все приходим одни, одни и уходим.
 Те, кто в лохмотьях, и кто по последней моде.
 Те, что едят суши и что делают суши –
 Мы все всю жизнь одни, бездушные туши.

И не с кем делить вот это дождливое утро,
 Некому дуть в лицо сахарной пудрой,
 И не с кем на спор ломать куриные кости,
 А только вот эти муки бездонные горсти.

И нервы уже не горят – стальные канаты,
 И все что-то там говорят, полные ваты
 Уши не слышат, глаза не ищут покоя!
 Слышишь меня? Знаешь, что это такое?

А дома тепло и пахнет пельменями с мясом,
 И ты вспоминаешь, как вы их лепили всем классом,
 А где-то уже проводили, тех, кто уходит...
 И ты так свободен, так безысходно свободен

СЕГОДНЯ ТАК СТРАШНО,
 ТАК СТРАННО И ОДИНОКО.

Карина Исакаева
Украина

Витязь на распутье

Камень, обильно загаженный вороном,
Мохом и плесенью густо зарос.
Витязям, скачущим в разные стороны,
Он отвечает на главный вопрос.

Прямо поедешь – так с жизнью расстанешься.
Ясно как день, камень честен с тобой.
Прямо попрешь – лбом в него ты втемяшишься.
Вон, видишь, череп с такой же судьбой.

Вправо поедешь – жена тебе с тещею
Будут на пару мозги выедать.
Влево подашься – отыщешь сокровище:
Ночи не спать, чахнуть, бдить, охранять.

Витязь задумчиво чешет заштопанный,
Вдрызг стёртый в конных скитаниях зад.
Понял он вдруг, почему тут протоптанный
Путь лишь один был – дорога назад.

У меня с Петраркой ссора:
Спор о темах для стихов.
Он – о деве с томным взором,
Я – про быт, обед и кров.

Пишет он высоким штилем,
Нескладушки я строчу.
Полон нежных он идиллий,
Я – борщом и пикачу.

Он о локонах Лауры,
Я про грипп и винегрет.
Он считает, только дуры
Пишут так: ты – не поэт.

Бутерброд ему намажу,
В турке кофе заварю
Подобреет – и расскажет
Про соседку свою.

Проболтаем до рассвета
в золотистых облаках.
Согласимся: мы – поэты.
Я на кухне – он в веках.

Тикки А. Шельен
Болгария

В мироздании дыра.
Пес хромает, суп прокис,
Деньги кончились вчера.
Сыр, натертый с чесноком,
Съел в ночи какой-то крыс,
В новостях - сплошной содом,

Но вот если беспристрастно посмотреть,
То как будто нет причины помереть,
А напротив, есть причина, чтобы жить,
Крысу колы с колбасою притащить,
Суп пожертвовать лавкрафтовским богам,
Деньги где-нибудь занять - потом отдам,
Пса отправить к Айболиту полечить,
В мирозданье дырку крестиком зашить,
Кошке что-нибудь приятное сказать,
Бусы старые по-новому снизить,
А проснусь я, скажем, завтра поутру,
Миску сыру с чесноком еще натру,
Кофе с сахаром сварю и имбирем,
И не так-то уж и плохо мы живем.
И не так-то уж и плохо мы живем.
Прямо скажем, хорошо с тобой живем!

Мне нравятся старые вещи.
Их старый натруженный запах.
Царапины, сколы, щербинки,
Солидная тяжесть и вес.
Как будто вся жизнь, что промчалась
На кухне, в гостиной, на полке
В какой-нибудь тихой глубинке,
Теперь обретается здесь.

Как будто на пыльном развале,
На мусорном поле бетонном
Они не стояли сиротски,
Не ежились зябко: беда,
А словно сошли с антресолей,
Из старой ореховой горки,
Как будто со мной с малолетства,
Как будто мы жили всегда,
Как будто бы жизнь не менялась,
Как будто бы не было ветра,
Который развеял, что было,
А нового негде найти.

Мне нравятся старые вещи,
Что проданы мне за бесценок,
А я их лелею, и глажу,
И мою от пыли и сажи,
От горькой обиды бездомья,
Чтоб в прошлое время войти.

Рисунок Latzar

Тикки А. Шельен

Умирает старая эмиграция,
 На чужой земле, на кроватях чужих,
 На хозяйских цветных простынях.
 Их не помнит, вычеркнула из списков
 родная нация,
 Свет нездешний горит над ними,
 И ангелы говорят на чужих языках,
 И крылья свои над ложем распростирают,
 И вздыхают: ну что ж тут поделаешь...
 И ни слова не понимают.

Умирает старая эмиграция,
 Кто из города милого вырван был в никуда,
 Кто терпел до последнего, зубы сжав,
 без истерик,
 Кто волною случайной выброшен был на берег,
 А свой ад нерасплесканным носит
 с собою всегда,
 И сейчас, когда плоть почти уже невесома,
 А разум больше не в силах хранить печать,
 Ад выходит наружу, как зримый привет из дома,
 Распространяется нервно-паралитическим
 газом
 Из кислородного концентратора,
 И для беглого, для дезертира наступает время
 кричать.

И все дальше и дальше, все тише, почти
 неслышно,
 Безднадежный и бесконечный крик,
 Неотвязный,
 Как «Беломора» удушливый дым.
 И про детское бомбоубежище,
 И про голод,
 И про заплеванный дворик московский,
 И про тех, кто по лестнице черной
 Поднимается ночью,
 Захватив понятых,
 Пока не к тебе, к другим.

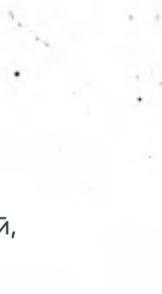
Ад заходит в чужие комнаты,
 Сокрушительный, как деменция,
 Устремляя на беглеца
 Тупой оловянный взгляд.
 В эмиграции умирает старая интеллигенция,
 А работники адохранительных органов
 сидят напротив,
 Обмениваются замечаниями,
 листьями шелестят.

А за окнами ласточки,
 Липы цветут, грохочут трамваи,
 Продают черешню и яблоки,
 На балконе сохнет белье.

Но приходит смерть.
 И собою ад отстраняет.
 И тишина наполняет комнату до краёв.
 Ад ничего больше не может поделывать:
 Сестра наша Смерть прекращает
 Любые страданья,
 Таково назначение её.

И когда, утонув в цветах,
 В белом гробе голубкой сизой
 Среди волн дешевого ладана
 Будет утлое тело лежать
 В ожидании похорон,

В ледяные желтые пальцы
 Священник вложит
 Разрешающую молитву
 Как последнюю визу,
 Открытую
 До конца времен и после конца времен.

Ирина Легонькова

Украина

Пахнет донником, пахнет мышиным
цепким алым горошком. Лилов
горизонт. Август, ветром пиши нам
на скрижалях своих облаков,
как склоняются ветви у яблонь,
бремя зреющих яблок неся,
как твой полдень звенящ и расслаблен,
и тоске предаваться нельзя.
Напиши, как мы живы и целы,
как пребудем такими ещё,
как под зимним холодным прицелом
будем помнить про скаредный счёт
всех кукушек твоих, всех букашек
вспоминать надоедливый зуд,
всех душиц, зверобоев, ромашек
тёплый запах.
Они и спасут
нас от стылых асфальтов. И в серых
типовых городских коробк
Ах будем живы.
... И символы веры
пишет август для нас в облаках.

Антоновское яблоко тугое
надкусишь с хрустом – и вернёшься в детство.
Там в бабушкином ласковом покое
так просто отдохнуть и отогреться.
Там мама молода, рыжеволоса,
Танцует в платье лиственного цвета,
На каверзные детские вопросы
всегда находит верные ответы.
Там дедушка красив и старомоден,
как пианино в тёткиной гостиной –
с драконами, свечами. А в комод
на дне секрет таится детский, дивный:
Три камешка из бабушкиной брошки,
семнадцать звеньев жёлтенькой цепочки.
Там в кукольной кроватке дремлет кошка
ленивая, в манишке и носочках.
Там детский сад на зимние квартиры
съезжает с летней загородной дачи.
И всё там мёд, и молоко, и миро.
И мелочи ещё так много значат...

Ирина Легонькова

Осень — за год забытый уже стилист...
Наискось к пока что чистому горизонту,
самый первый, скользящий в потоке лист
чертит угол меж деревом и всё ещё тихи понтом
летним. Взгляд на него под косым углом
брошенный из-под чужой облупленной кровли
бьётся в плоскость окна, что своим стеклом
отрезает сентябрь от июля и нас от свободы воли
отпускной. Но пока что ещё внаём
сданная беспечным временным постояльцам
конура не пустует, и мы живём,
протекая песками сквозь дней золотые пальцы.
Август. Воздух ещё далеко не так
холоден к прелестной плоти чьей-то подруги,
как супруг примерный, но подан знак
приближения осени — листик, скользящий к югу...

ПЕРВОЕ СЕНТЯБРЯ

Ложились летом, встали в сентябре,
Засов открыли, вышли на порог...
Всё те же травы, листья во дворе
Всё тот же солнца золотой росток.

Но что-то слабо в воздухе дрожит,
И тонко пахнет будущим дождём,
И осени цветные витражи
Уже сквозят сквозь летний окоём.

Уже готовят нити пауки
И бабье лето штопает наряд.
И горький запах дыма и тоски
Уже блуждает где-то наугад...

Данила Левицкий Франция

Художники без мольбертов,
Наблюдатели неустанные,
Одиночки и экстраверты,
Фотографы-люди странные.

Бродят часами по городу,
Смотрят восторженным взором,
На банальные вещи вроде бы,
На лужи, дома, заборы.

На свадьбах и днях рождения,
Объектив направляют ловко,
Жмут без промедления
Указательным пальцем на кнопку.

Важно для них оказаться
В нужном месте в нужное время,
А людям будет казаться,
Что они здесь совсем не намеренно

Всё, снято, вот вам сувенир,
«Вы всё это видели сами»,
Но мы-то смотрели на Мир
Совсем другими глазами.

Они не пишут романы,
Не сочиняют симфонии,
В сиюминутные радости, драмы
В жизнь чужую на миг приглашённые.

И мне, конечно, завидно —
Ведь им даже кошки позируют,
Но неужели им не обидно,
Что самих их не фотографируют?

Ирит
США

Боги живут в пустыне,
Ближе к истоку света.
В снежном ультрамарине
Боги рисуют лето.

Боги вдыхают небо,
а выдыхают звезды.
Боги хранят под небом
Детские сны и грёзы.

Боги не сеют горе,
Тяготы и разлуки.
Слёзы их каплют в море,
Море ласкает руки.

Боги почти что дети,
Солнцем в лапту играют,
Тучи по всей планете
Взмахами разгоняют.

Тот, кто в ночной пустыне
К свету нашел дорогу,
Тот уже не остынет.
Он поцелован богом.

Люди не возвращаются
В прошлое никогда.
Люди внутри ломаются,
Раня самих себя.
Люди - осколки острые
Режут, кромсают плоть,
Ливни слепые слёзные
Сияются побороть.
С криком гортанным чаячьим
Души взмывают вверх.
Идёт кое- как, качается
Сломанный человек.

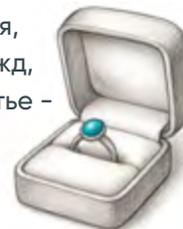
Я просто жила и по-прежнему мне непонятно,
Как я, потерявшись, всегда возвращалась обратно?
Как сердце мое, что так часто бывало разбито,
Сжималось в кулак и в итоге никем не убито?
Из сплава какого во мне распрямляли пружину,
В струну превращали, что резала наполовину
усмешки, слова и косые недобрые взгляды?
А жалости тихой, тем более громкой, не надо.
Как мысль превращается в явь?
Как вода, покидая истоки,
Становится паром и льдом, кто назначил ей сроки?
И корни мои прорастали в надгробие, в камень,
Надгробия точит моя неубитая память.
И мне приходилось не раз начинать все сначала,
Но та, что жила под крылом моим, нет, не пропала.

Подари мне на счастье колечко,
С голубой как слеза бирюзой,
У меня замирает сердечко
От предчувствия встречи с тобой.

Полюблю бриллианты я вряд ли,
И богатство меня не манит.
Но люблю бирюзовые капли,
С лабиринтом прожилок на них.

Словно небо что в дымке заката,
Мне твои голубые глаза,
Что пленили мне душу когда-то,
Наши судьбы навеки связав.

Бирюза - оберег от несчастья,
От коварных пройдох и невежд,
Подари мне колечко на счастье -
Бирюзовую каплю надежд.

Гололёд

Под нитроглицерином и тоннами виагры
он пальцами с буграми от артроза и подагры
пощупывает девственниц в костюмах пионерок,
прошедших сотню тестов и замерок.

У них у всех – родившихся в две тысячи десятых –
от старческой шершавости ладоней желтоватых
(и детского стыда, пожалуй, тоже)
вишнёво-галстучным и красно-площадным
отдельные блестят участки кожи.
Ему завозят их по выходным.

* * *

Не раз на спиритических сеансах,
на время забывая о финансах,
репрессиях и собственном хондрозе,
он вспоминал, как в детстве на морозе
бесцветной ленинградской зимой
в одном из тупиков – культяпок улиц –
была большая драка (класс восьмой),
причина драки – Алка – поскользнулась
и череп раскроила о поребрик.
Винить во всём хотелось гололёд...
На экспертизе вскрывшийся залёт
открытием почище всяких эврик
стал, между прочим, даже для него.
И пил он на Литейном, над Невой.

* * *

Он восходит к трибуне, чтоб трёпа потребовать трубного,
и стучит кулаком, как по твёрдому снегу кайлом,
и дуреют за ним генералы от запаха трупного,
и трибуна блестит золотистым сиамским орлом.

После речи ему подадутся к обеду тарелочки,
и расслабится в кресле лощёном больная спина,
а сейчас ему в школьницах видятся те пионерочки,
и на старческих бледных губах проступает слюна.

12.09.2025

Рокбрюн-Кап-Мартен, Франция

Георгий Гришко

Австрия

ВИНИТЬ ВО ВСЁМ
ХОТЕЛОСЬ ГОЛОЛЁД...

Слово Земли

Нет весны,
 Нет вешек,
 Нет вешенок.
 Мои мысли ясны и взвешены.
 И я в них от плахи и до плащаницы
 Выращиваю пшеницу.
 Он гол, он голем, становится в горле колом,
 И всходы мои пшеничные топчет,
 И воды, и топи, и кочки. В общем,
 Что я могу? Не выпустить колос?
 Я под ногой бы его расколослась,
 Да он не покинет асфальта дворца
 До конца.
 Так что я могу?
 Не выкормить корня?
 Детьми моими меня накормят
 И я приму их, и обниму.
 И только ему
 Не будет входа
 Ни в чрево мое, ни в песок, ни в воду —
 Огонь пожирает его пускай,
 А я не скрою ни волоска.
 Он клят, он проклят, не буду пухом
 Ни там ни тут.
 И прах его, к воронью и мухам,
 Метлой
 С ладони моей сметут.

Алька Искрова
 Израиль

В день, когда запретили звуки, была зима,
 Город съезжился в свитере снежном, колючем очень,
 Стал уныл, неприютен, полностью обесточен,
 И в последней мечети последний замолк имам.

Замолчали собаки и скорые не орут.
 Фейерверки, коты и дети затихли тоже.
 Текст прорвался сквозь снег, он пробил провода и кожу,
 Буквы, буквы из каждой малюсенькой щели прут.

В день когда запретили звуки — зашили рты.
 Текст проклюнулся в стенах, обвинил фонари и крыши,
 Лег веснушчатой вязью на коже душевно-рыжих —
 И мужчины на стройке и женщины у плиты.

Текст писал о любви на лбу и на мостовой,
 О свободе и честности, звал обратиться к свету.

Но одни пожимали плечами: зачем нам это?
 А другие совсем не заметили ничего.

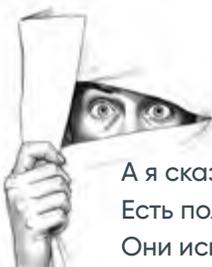
Посылают нам испытания...
Нет бы что-нибудь из питания.

Да теперь уж всё равно.
В России перебор с поэтами,
Ну просто некуда девать.
Указ издал минфин поэтому:
Поэтов будем убивать.

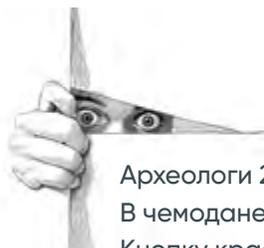
Вот Есенину бы Влади,
А Высоцкому Дункан,
Так они б, не зная горя,
Жили каждый по сто лет.

А я сказал в ответ: Не будем!
Есть польза даже от поэтов,
Они исправно служат людям
И денег не берут за это.

Владимир Гурвич

США

Археологи 2042-го
В чемодане для фекалий
Кнопку красную искали,
А нашли одно говно...

Федор – Карлу:
Коль мысль (иль план какой) придёт,
Кричи о ней на весь народ.
Пускай тебя, ядрена мать,
Умом не будут понимать.
Но за тобой они пойдут,
Не пропадет твой скорбный труд.
Пускай и жалок и убог,
Но всех объединить помог.
Прими в расчет и это тож:
Мысль изреченная есть ложь,
И только лживей во сто крат,
Коль все подряд ее твердят.
Мысль только тайная права,
Что не обличена в слова.
О ней узнают в свой черед
Ты сам, друзья и весь народ.

Курицы кудахтают,
Кони бьют копытом,
Те, что ныне здравствуют,
Завтра позабыты.

Семен Патлис

США

Памяти В.С. Высоцкого

Ласковый ветер колышет кроны осин,
И раскачивает тела висящих на них иуд.
Мочит людей в сортирах вежливый господин.
Медленно тащит ляжку неумолимый суд.

Так медленно, что неясно, о чём процесс, —
Кто здесь судья, подсудимый, и жертва, — кто?
Катит по миру прессы гремучий пресс,
Пляшут-поют миролюбцы в масках, и конь в пальто

Толкает с высокой трибуны речи, — про этикет,
Что вовсе неважно, кто первым кого убил,
У каждой неправды есть право, а истин нет,
И прав здесь не тот, чья правда, а кто голосил.

Пойду, разыщу кассету среди кассет,
Поставлю, включу свой древний магнитофон,
Услышу голос пророка сквозь толщу лет,
Хрипящий душе-дробительный баритон.

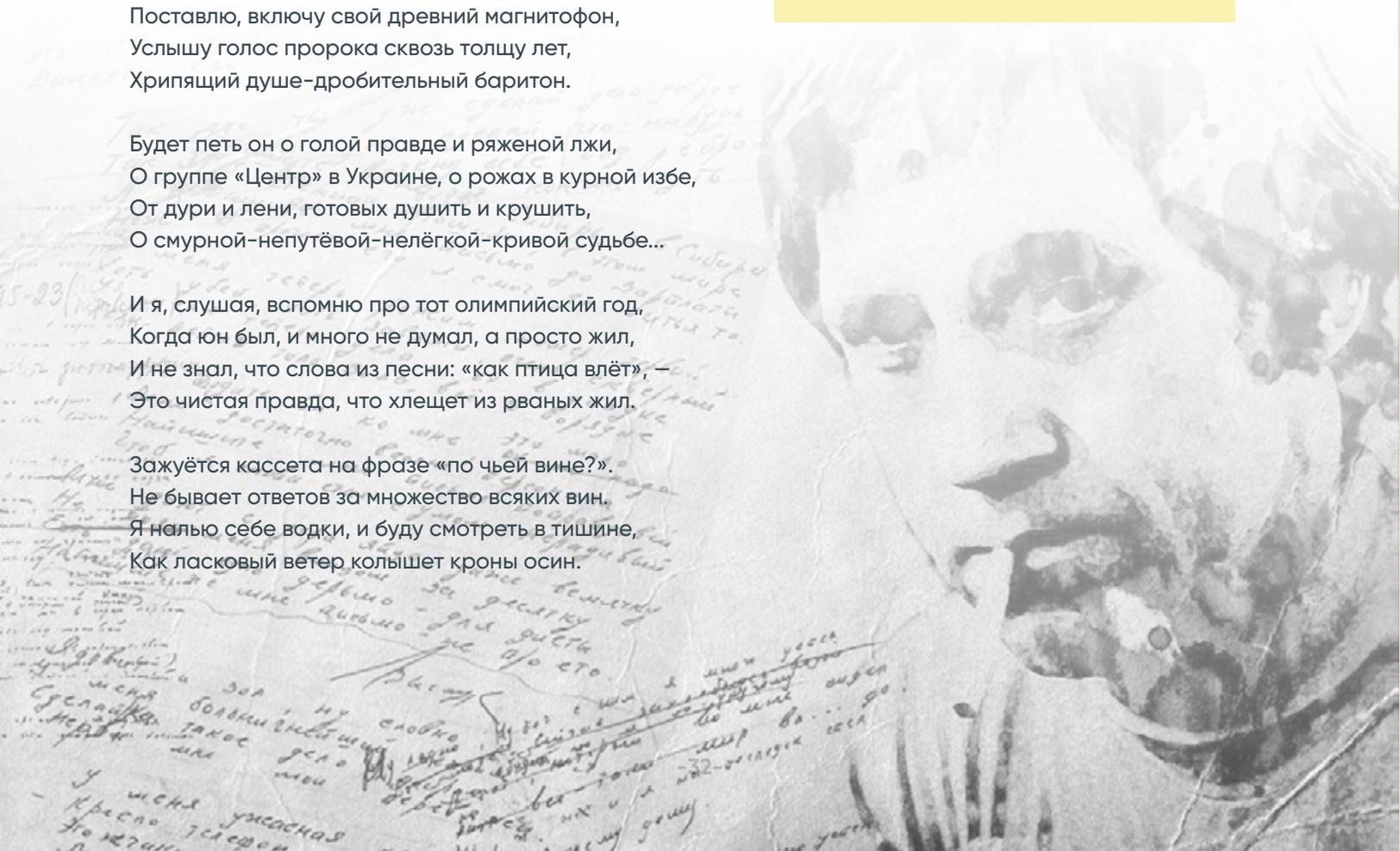
Будет петь он о голой правде и ряженой лжи,
О группе «Центр» в Украине, о рожах в курной избе,
От дури и лени, готовых душисть и крушить,
О смурной-непутёвой-нелёгкой-кривой судьбе...

И я, слушая, вспомню про тот олимпийский год,
Когда юн был, и много не думал, а просто жил,
И не знал, что слова из песни: «как птица влёт», —
Это чистая правда, что хлещет из рваных жил.

Зажуётся кассета на фразе «по чьей вине?».
Не бывает ответов за множество всяких вин.
Я налью себе водки, и буду смотреть в тишине,
Как ласковый ветер колышет кроны осин.

КТО ЗДЕСЬ СУДЬЯ,
ПОДСУДИМЫЙ, И ЖЕРТВА, —
КТО?

ПРЕДСТАВЬТЕ, ЧТО ВАШ
ДОМ, ТОТ В КОТОРОМ
ВАМ ТАК ХОРОШО
И УЮТНО ЖИТЬ,
ПРЕВРАТИЛСЯ В РУИНЫ.
ЗАПОМНИТЕ ЭТО ОЩУЩЕНИЕ
И ЖИВИТЕ С ЭТИМ ДАЛЬШЕ...

ПРОЗА

**Алексей
Высоков**
Италия

НА ОБЛОМКАХ

Вчера я увидел фото: люди стоят на улице около груды «строительного мусора», что когда-то был их домом. Мурашки по спине пробежали диким стадом – я вспомнил, что уже видел подобное. В детстве.

Мы жили на той самой «улице в три дома, где всё просто и знакомо». Все знали друг друга, минимум по фамилии, многие были коллегами, двор был общим для всех.

В какой-то вечер взрослые начали стайками курсировать между домами и сараями, которые стояли перпендикулярно к общему двору. Выносили тёплую одежду, раскладушки, туалетную бумагу, кипятильники и обогреватели на случай... разрушения дома.

Нам, мальчишкам, любая движуха была в радость. Вместе со всеми участвовать в какой-то новой «Зарнице» или «Казакх-разбойниках» – это ли не развлечение! Но ночевать в сарае с кроликами и курами всё равно не хотелось.

Это было в декабре 1988 года, когда случилось страшное землетрясение в Армении. Два города – Спитак и Ленинакан были полностью разрушены. Тогда ещё не было Интернета, но даже то, что показали по советскому телевизору, повергло в шок всю страну. Все собирали гуманитарную помощь для пострадавших. Помню, как мы приносили деньги в школу и сдавали учительнице. Принесли все. Кто-то копейки, а кто-то кидал в общий котёл олимпийские рубли. Было общее ощущение, что мы должны помочь людям, попавшим в беду. Мы это понимали уже в младших классах школы – наша горная республика находилась на том же сейсмически активном поясе что и Армения, горы Тянь-Шаня были на виду.

Оказалось, что переезд вещей в сарай – совсем не веселая игра. После беды в Армении землетрясение начали ждать у нас. По городу поползли слухами о том, что скоро будут повторные толчки, такое часто бывает. Всё что мы могли узнать полезного из сводок новостей – это то, что чем выше дом, тем он опаснее. Когда взрослые рассуждали в каком типе дома и на каком этаже, по статистике, есть больше шансов выжить, мы понимали, что шансов выжить у нас не много, и эта мысль долго никого не отпускала.

КАЖДЫЙ, КТО КОГДА-НИБУДЬ
САМ СТРОИЛ ДОМ, НИКОГДА НЕ
ПОСЯГНЁТ НА ЧУЖОЙ...

Страх становится сильнее, когда начинает подкрепляться ритуалами приготовления к тому, что может произойти. Но еще хуже стало, когда приготовив индивидуальные «комплекты выживания», люди допоздна оставались на улице, не заходили в квартиры, стояли кружками перед домами и разговаривали. И взрослые, и дети.

Декабрь в тот год был тёплым, бесснежным, но жуть пробирала сильнее мороза. Тогда я впервые увидел, как страх захватывает толпу, начинает липнуть к каждому, невзирая на пол и возраст. До темноты стояли люди на улице, боясь заходить в собственные дома.

Когда заканчивались безобидные новости, старые анекдоты и сплетни, неизбежно опять и опять вставала беспокоящая всех тема: что делать, если наш дом будет разрушен до основания как показывали по телевизору?

Сколько обреченности слышалось в голосах людей! Они еще ничего не потеряли, они стояли рядом со своими домами, но уже прощались с ними, уже мысленно жили у руин не просто домов, а всей своей жизни.

Алексей Высоков

После школы родители просили нас быстро делать уроки и идти на улицу. Потом они приходили с работы, наспех готовили ужин, и снова выходили во двор – ждать катастрофу. Вечер за вечером люди стояли и обсуждали прожитый день и новости из Ленинанкана и Спитака. С каждым прожитым в ожидании днём, люди становились угрюмее, мрачнее, уставая от неопределенности.

Ожидание беды оставляет психологический след – посттравматическое стрессовое расстройство от глубокого переживания угрозы. Люди, что стояли у своих домов, никогда не забудут тех холодных вечеров. Не забудут и их дети. Разговоры взрослых, слёзы женщин, дрожащие руки и голоса сильных мужчин.

Через пару недель все начали уставать от ожидания и постепенно вернулись к обычной жизни, хотя вещи в сараях оставались до весны.

... Я смотрю на фотографию людей, стоящих возле руин своего дома, смотрящих в объектив глазами полными горя и страха. Они выжили, но их мир погиб. Там, под обломками, возможно остались их близкие родственники, соседи, дети. Возможно, они задают себе вопрос: я выжил, но зачем?

Сейчас я снова за тысячи километров от эпицентра трагедии, но, как и тогда, я чувствую, что это наша общая трагедия, эхо которой мы будем слышать ещё очень долго. Катастрофа снова докатывается до нас слабыми толчками, но мы все уже всё равно пострадавшие или даже её жертвы. Только ещё не до конца понимаем степень своего поражения.

Семьи моих предков потеряли свои дома во время коллективизации сто лет назад. Моя семья пережила и виртуальную утрату жилья перед лицом природной стихии, и вынужденное

переселение из националистически настроенной республики на историческую родину. Эти стигмы ещё не скоро заживут в сознании моего рода. Но я не знаю сколько поколений должно смениться чтобы осознать, понять и как-то попытаться принять разрушение твоего дома по воле другого человека.

Ещё страшнее думать про дом, который ты построил своими руками. Каждый, кто когда-нибудь сам строил дом, никогда не посягнёт на чужой, не станет его разрушать. Чужой созидательный труд – это, наверное, вторая незыблемая святыня после святости каждой жизни на земле.

Знаете, сколько нужно сил, энергии, любви и времени чтобы построить свой дом? Много. А сколько чтобы его потерять? Миг. Представьте, что ваш дом, тот в котором вам так хорошо и уютно жить, превратился в руины. Запомните это ощущение и живите с этим дальше.

Арнольд Коптев

Сан Диего, США

ЖЕМЧУЖНЫЙ БЕРЕГ

- Нина Ивановна, можно войти?

Голова Артёма просунулась в кабинет декана факультета географии.

- Тебе чего, Орлов?

Конечно, ей нравился этот стройный шатен, самый высокий, под два метра, студент во всём универе. Но, чтобы отвлекать её в день, когда она сидит в приёмной комиссии? Это уже слишком!

- Что ты хотел? Я ухажу на госэкзамен.

- Нина Ивановна! Мы же после весенней сессии должны пройти месячную практику в пионерском лагере, правильно?

- Ну да! Обязательно!

Не понимая, что Орлову надо, она встала из-за стола.

- А практику можно пройти в любом лагере Советского Союза? - не унимался студент.

- Да, но только мне нужна справка от начальника лагеря, с подписью и печатью. Обязательно!

- А можно, если я буду работать в Гурзуфе, в Крыму?

- Ты, никак, собрался в «Артек»?

Нина Ивановна удивлённо взглянула на Орлова.

- Да, если получится. Зачем мне комаров кормить в лагере «имени Вали Котика» в Тогучине, куда меня направляют? У меня в Ялте родственники в горисполкоме работают, обещали пристроить.

Вопрос был решён. Артём выбежал на улицу. В автобусе он, услышав, как у водителя на магитофоне тихо играет «Лучше гор могут быть только горы», радостно представил, как проведёт следующие два месяца в Крыму. Сначала лагерь, а потом каникулы. А какой загар будет, просто отпад.

«Пассажир Артём Орлов, прибывший из Новосибирска рейсом номер три три два три компании «Аэрофлот», Вас просят пройти в депутатскую комнату». Диктор аэропорта Симферополя повторила это объявление дважды. Как всё-таки приятно, что сразу по прилёту Артёма, как всегда, встретили и, посадив в блестящую чёрную «Волгу», отвезли напрямиком в Гурзуф. Водитель Толик, щеголявший в джинсах «Левайс», всю дорогу напевал «Утреннюю гимнастику», вышедшею два года назад. Вот она всенародная любовь!

Увы, но даже со своими связями родствен-

НАМ НЕЛЬЗЯ ПРОИГРАТЬ.
НЕ ПОЛОЖЕНО -
НАШЕЙ ПАРТИИ ВЕЧНЫЙ НАКАЗ.
ВДРУГ ВЫСОЦКИЙ, НЕОСТОРОЖНО,
УМИРАЕТ, НАРУШИВ ПРИКАЗ.

ники смогли устроить его только в пионерский лагерь «Жемчужный Берег». Это был менее известный лагерь, но зато всего в трёхстах метрах от пляжа.

- Добрый день! Я от товарища Захаревича по поводу летней смены.

Студент посмотрел на начальника лагеря, строгого мужчину за шестьдесят, бывшего кагебешника. Ясное дело - а кто должен руководить учреждением, где восемь отрядов, более двухсот детей и четыре смены за всё лето? В основном там были школьники из Москвы и Ленинграда. Начинались XXII Летние Олимпийские игры, и, по указанию ЦК КПСС, большинство детей школьного возраста «высылались»

за пределы столицы, чтобы город был пуст, тих и чист. Зачем мешать иностранным туристам убеждаться в преимуществе социализма?

- Заходите, мне о вас уже звонили. Я решил вас назначить вожатым в четвёртый отряд. В нём будет тридцать пять мальчиков пятиклассников. Спать будете вместе с ними в общей комнате. Трёхразовое питание в нашей столовой. Баня каждые три дня. пляж ежедневно после завтрака. Вопросы есть?

- Нет вопросов. Покажите мой корпус, пожалуйста.

Артём втянулся в работу. Дети были шумные и зазнайки. У кого-то родители работали в министерствах, у кого-то в посольствах, у кого-то в театрах. А тут какой-то вожатый из сибирского городка будет смотреть за их дисциплиной, следить за распорядком дня и объявлять подъёмы по утрам! Было понятно, что школьников нужно чем-то занять. И у Орлова это получилось. Чемпионат лагеря по футболу. Соревнования по лёгкой атлетике на стадионе. пляж до самого обеда. Посещение музеев. Вечерами - «Место встречи изменить нельзя». Время закрутилось! Доползая до кровати, он валился с ног от усталости...

Гурзуф. Пионерский лагерь.
Море Чёрное. Благодать.
И под роспись у нас в журнале
Октябрят из Москвы тридцать пять.

А в столице - Олимпиада
Мы победу отбили у всех.
Без Америки и Канады,
Но куём золотой успех!

И вдруг 26 июля поползли первые слухи о том, что умер Высоцкий. Сначала казалось, что это сплетни. О нём ходило много всякого. Говорили ли, что у него жена француженка. И что его некоторые песни запрещены и не все их можно слушать, особенно про ГУЛАГ и КГБ. Шептались, что он употребляет наркотики. Но народ любил его стихи, песни, роли в театре и кино.

Той же ночью, когда дети заснули после отбоя, Артём тайком пошёл в «Артек», к знакомым вожатым.

Арнольд Коптев

- Привет, ребята! Вы слышали про Высоцкого? - с порога выпалил мучавший его вопрос.

- Да, говорят умер. Моя тётя работает костюмером на Таганке. Она нам всё и рассказала. Похороны на Ваганьковском двадцать восьмого. Говорят, сердце.

Ребята тут же достали гитару. Чтобы никого не разбудить, очень тихо спели «Кони привередливые», «Я не люблю», «Баньку»...

Что же запомнилось Орлову тем летом? Открытие Олимпиады, которую бойкотировала половина стран мира из-за ввода советских войск в Афганистан. Пеший подъём на пик Ай-Петри через реликтовые леса горной Яйлы и поход по горе Аю-Даг, иконе ЮБК. Концерты звёзд советской эстрады на открытых летних площадках. Поездка в легендарный «Спутник» и первая встреча со студентами из США, Германии, Франции, Италии. Первая любовь... все эти события спелись в яркий единый клубок, прокатившийся по ласковому лету. Но внезапная смерть Высоцкого осталась в памяти навсегда. Этот человек смело критиковал власть, открыто или искусными метафорами. Даже поговаривали, что это спланированное убийство, так как намёки в его песнях зашли слишком далеко, и власть не хотела, чтобы он, такой невольный, мог свободно говорить на Западе о жизненных проблемах советского народа за «железным занавесом». Кстати, Марина Влади в одном из интервью подтвердила, что Высоцкий должен был прилететь к ней в Париж и у него был билет на 1 августа. Билет в один конец.

**Вызов бросил он коммунизму.
Даже мёртвый, он словно живой.
И сегодня его афоризмы
Распеваются целой страной...**

О ЧУВСТВЕ ЮМОРА

*О чувстве юмора тут и там
«Если бы у меня не было чувства юмора,
я давно бы покончил с собой.»*

Чарли Чаплин.

Сегодня со мной произошёл забавный случай. Зашёл я в ветеринарный магазин посмотреть поводок для нашей собаки Лили. Вижу: между полок с птичьим кормом прохаживается симпатичная блондинка с огромным, ослепительно белым попугаем на плече. И тихонько с ним беседует, видимо, обсуждая, что прикупить.

Я не мог не сказать комплимента прекрасно выдрессированной птице. Хозяйка к таким похвалам явно привыкла и сдержанно поблагодарила. К нам подошёл парень-продавец. И тут меня чёрт дёрнул сказать:

– Ваша птица напомнила мне старый анекдот о попугае и французе.
– Какой анекдот?

– В бар входит француз с огромным какаду на плече. Бармен ему говорит: «Вау! Красавец! Откуда такой?» А какаду с плеча и отвечает: «Из Франции; их там полным-полно!»

Продавец громко рассмеялся, а женщина поморгала своими наклеенными ресницами и... я понял, что до неё «не дошло». Совсем. С минуту помолчали. И, когда она поняла, что анекдот закончился, робко сказала:

– Извините, я не совсем поняла, при чём тут Франция?

Я растерялся, не зная, что ответить. На помощь пришёл продавец, видимо, он не мог допустить, чтобы покупатель ушёл чем-то неудовлетворённым:

– Предполагалось, что отвечать будет француз, а отвечал попугай, что, согласитесь, смешно.

Блондинка кивнула и хихикнула. Я понял, что хихикнула она исключительно из вежливости, что это мёртвый случай, и что разговор пора заканчивать... Но тут она спросила:

– Интересно, а как он его так дрессировал? У меня с моим Питером почти ничего не получается.

– Не знаю, – сказал я, – но... при случае обязательно спрошу.

Последнее говорить совсем не надо было. Потому что на выходе из магазина эта женщина меня поджидала.

– А когда вы его увидите?

– Кого?!

– Ну этого француза! А если бы вы мне дали его координаты, я была бы вам так благодарна! Я очень давно ищу кого-то, кто поможет мне хотя бы советом с моей птицей.

Увидев, что она серьёзно, я еле сдержался, чтобы не расхохотаться. Потом сказал, что вряд ли когда-либо увижу этого бедолагу-француза с его замечательным какаду и посоветовал обратиться к Гуглу.

Уже в машине я несколько минут обсмаковывал происшествие. Ведь никто не поверит! Да, лишнее напоминание: рассказывать незнакомым американцам анекдоты – дело очень шаткое. Вот то ли дело среди наших!

Яков Наерман
США

РАССКАЗЫВАТЬ
НЕЗНАКОМЫМ
АМЕРИКАНЦАМ
АНЕКДОТЫ –
ДЕЛО ОЧЕНЬ
ШАТКОЕ...

Яков Наерман

А потом задумался: а что, в России такого быть не могло совсем? И вспомнил один эпизод, произошедший со мной полвека назад. Вспомнил – и мне стало стыдно перед американцами за мой неоправданный снобизм.

А эпизод был вот какой.

В составе группы из нескольких ребят по профсоюзно-туристическо-спортивной путёвке я спускался на лодке по реке Клязьма. Плыли мы дней десять по красивейшим местам Владимирской области и доплыли до города Мстёры, последней точки нашего маршрута. Мстёра – столица российского кружевного искусства. По расписанию мы там должны были простоять ещё два дня и осмотреть знаменитые кружевные мастерские, чего я с нетерпением ожидал всю поездку.

Как выяснилось, Мстёра славилась не только кружевами: нигде более слова песни «очень жаль, что на десять девчонок по статистике... мало ребят» не звучали так актуально. Но об этом ни-гу-гу.

На турбазе мы подружились с Зурабом – абсолютно квадратным грузином, работавшим там завхозом. Он отслужил в армии где-то неподалёку в Ивановской области и там остался. Как он нам признавался, у него от женщин «развились наркотическая зависимость и диабет». С зависимостью понятно, но почему диабет?

– А когда слишком много сладкого кушаешь – то диабет заработаешь...

Вечером он выбирал группу ребят повеселей, предлагал «единственный во всей Владимирской области настоящий шашлык» и оставался до ночи. У нас на четверых ребят было две гитары, мы весь день хохмили, и Зураб выбрал именно наш костёр. С этим Зурабом нам действительно повезло – и не только шашлыком, поскольку чуть позже, к шашлыку откуда-то подвалили четыре местные девочки. Через того же Зураба купили бутылку самогона, и часам к одиннадцати всем было ооочень хорошо.

Попели. Потом Зураб потребовал столичных анекдотов. Он был очень благодарный слушатель: громко хохотал над каждым словом, а иногда просил повторить тот же анекдот второй, а то и третий раз. Причём после второго раза смеялся ничуть не менее зычно.

Рассказывали по кругу, и когда дошла очередь до меня, я выдал совершенно дурацкий анекдот, который на трезвую голову произносить ни за что не стал бы:

– Армянское радио спрашивает: чем отличается минарет от минета? Армянское радио отвечает: минарет в нЕбо, а минет – в нЁбо.

Все были действительно сильно пьяны, поскольку хохот от этого глупого анекдота гремел минут пять. И когда смех стал затихать, все четыре девочки, не сговариваясь, в унисон громко спросили:

– А что такое минарет?

Тут грохнули все мы с двойной силой, Зураб – громче всех. А когда мы отсмеялись, он потребовал:

– Далее, далее... Чем анекдот кончился?

ОТ ЖЕНЩИН У НЕГО «РАЗВИЛИСЬ НАРКОТИЧЕСКАЯ ЗАВИСИМОСТЬ И ДИАБЕТ»

ЛУЧШИЙ ПОДАРОК

После окончания института я подружился с компанией геологов — выпускников Московского геологоразведочного института. Нас объединяли бардовская песня и любовь к дикой природе. От них-то я и услышал впервые об Ильменском заповеднике, который они называли геологической Меккой. Он находится на юге Урала, в Челябинской области, около города Миасс. Этот минералогический заповедник был основан легендарным Ферсманом ещё в 1920-е годы. И когда я сообщил, что меня посылают в командировку на Миасский автомобильный завод, все наперебой стали звонить и советовать, что посмотреть и куда пойти.

Потом мне позвонила незнакомая женщина:

— Мне ребята сказали, что вы будете в Ильменском заповеднике. Галя, моя дочка, которая училась с ними, сейчас работает там над своей диссертацией по минералогии. Вы не могли бы передать для неё небольшую посылочку с тёплыми вещами и лекарствами?

Эта посылка была моим золотым ключиком к заповеднику: кроме музея, большая часть территории была закрыта для посетителей. Галя же после двухчасовой экскурсии по музею взяла меня в святая святых — заброшенные копи и штольни с вкраплениями кварца и ещё каких-то красных, гранатоподобных кристаллов. Она с упоением рассказывала, что это — единственное в мире

место, где на небольшом пятачке радиусом в двадцать километров было найдено более 250 разных минералов: топаз, аквамарин, фенакит, циркон, сапфир, турмалин, амазонит... Восемь из них эндемичны, то есть их больше нигде нет.

Первые минералы, на которых Пьер и Мария Кюри начали изучать естественную радиацию — самарскиты — были привезены из Ильмена. Потом она показала мне образцы письменного гранита. Его ещё называют еврейским камнем: прожилки на срезе очень напоминают буквы еврейского алфавита. Настолько, что, как поведала мне Галя, на Урал приезжали специалисты по каббале, в большом количестве закупа-

ли эти камни и даже, вроде бы, расшифровали какие-то «послания»!

Причин, почему основная часть заповедника была закрыта для туристов, было несколько. Главная — вандализм: из-за парочки малоценных самоцветиков туристы прерывали и заваливали ценнейшие штольни. Кроме того, некоторые из минералов слегка радиоактивны. А радиоактивность в Союзе всегда была засекречена... Ну и наконец, бытует легенда о том, что Емельян Пугачёв спрятал на Ильмень-горе подводы с награбленными драгоценностями, и если бы не строгая охрана, гора давно бы исчезла под лопатами кладоискателей.

Была середина октября, но стояло бабье лето: тепло и солнечно. Гале надо было в три часа уезжать. Она посоветовала мне провести в заповеднике ещё часок и подняться на вершину местной горки — «оттуда обалденный вид!»

— Если остановят — меня не упоминай, а то уволят. Скажи, что был в музее и пошёл посмотреть окрестности. Не знал, что нельзя. Только, Бога ради, не собирай никаких камней: могут арестовать всерьёз. Последний автобус в город отходит от музея в пять. Если опоздаешь

— иди по дороге вниз до Миасского тракта. Там грузовики ездят круглые сутки. Голосуй — останавливаются все.

— Не должен опоздать:

мой самолёт в Челябинск и Москву — завтра утром. Завтра мой день рождения, и вечером меня будут ждать к столу. Будешь в столице — звони! Спасибо за всё!

Галя была права. Красиво было очень. И никого! Короче, я забыл о времени. И только когда начало темнеть и пошёл дождь, понял, что сильно опаздываю. Погода резко изменилась: стало холодно, и дождь перешёл в мокрый снег. Хорошо, что был полиэтиленовый пакет, куда я сложил документы, спички и сигареты. Возвращаться надо было вниз, но дорога стала очень скользкой. Я несколько раз падал, и идти приходилось очень медленно. Стало совсем темно. Батарейки в фонарике

НА НЕБОЛЬШОМ
ПЯТАЧКЕ БЫЛО
НАЙДЕНО БОЛЕЕ 250
РАЗНЫХ МИНЕРАЛОВ»

были на последнем издыхании, и несколько часов я шёл в основном наощупь. Я знал, что в Ильмене водятся волки и медведи, и от каждого звука становилось страшно. Я весь промок и очень замёрз.

Наконец, я услышал где-то внизу звук дизеля, и ещё минут через двадцать вышел на маленький домик, около которого стояли два грузовика с включёнными двигателями.

Здесь останавливались на ночлег водители-перегонщики. Я постучал и зашёл. Я был насквозь мокрый и покрыт плотным слоем грязи. С меня капала грязная вода. Внутри было жарко от печи и накурено. У стола сидели четверо. Вид у меня был, похоже, очень живописный – все молча на меня уставились.

– Ты кто и откуда такой красивый?

Я рассказал.

– До Миасса ты сегодня не доберёшься, – резюмировал, выслушав, мужик лет сорока а если сейчас всё не снимешь – завтра будешь больной. Давай, выходи и раздевайся догола!

Он налил из чайника кипятку в ведро с водой и вышел со мной. Я с трудом разделся. Мужик полил меня ковшиком, чем-то обтёр и закутал ватным одеялом. Я зашёл назад в избу. Об оставленной одежде я на тот момент забыл. Сел за стол.

– На, пей, – сказал мне другой, помоложе, протянул кружку с самогоном и мочёное яблоко.

Я взял кружку заочиненными руками и выпил всё сразу, не останавливаясь. Самогон был хорошо очищенный и крепкий – градусов 60–70. Где-то на задворках сознания у меня мелькнуло, что никто не поверит, что я вот так, в один присест, могу выпить четверть литра самогона. Вспомнились слова: «Маргарита покорно выпила, думая, что тут же ей и будет конец от спирта». Закусил. По телу пошло приятное тепло.

– Ух ты! Пьёшь знатно, наш человек! На, поешь, однако!

На стол поставили миску с горячим рыбным супом и полкирпича серого хлеба. Ничего более вкусного я никогда не ел. Я молча и жадно проглотил всю миску и только потом сказал:

– Спасибо.

Мужики молча курили и смотрели на меня. Протянули «Шипку». Я так же молча закурил.

Яков Наерман

Самогоном ударил в голову, и всё поплыло. Пытался что-то спросить, но язык заплетался.

– Ладно, потом поговорим, – сказал первый. – А сейчас отдохни малость.

И мне указали на лежанку около печки. Я затушил сигарету, не вылезая из одеяла, лёг – и тут же вырубился, как мёртвый.

Когда я проснулся, было часов девять утра. Голова, как ни странно, не болела. Только очень сухо и горьковато во рту. Никого в избе уже не было. За окном сияло солнце. Печка была ещё тёплая. Я встал. Вся моя одежда была постирана и, вместе с ботинками, досушивалась, аккуратно разложенная по печке.

Я оделся.

На столе лежали мои документы в пакете, полбуханки хлеба, в кружке – грамм сто самогона, чайник с водой, кипятильник, нож, пачка с чаем и несколько кусков сахара. Рядом, на обрывке газеты, – записка, как дойти до автобуса, и пять рублей на билет. Ни имени, ни адреса. Благодарить было некого. Я сидел, смотрел на всё это и испытывал какое-то религиозное чувство. Много позже я узнал, что в комментариях к Торе записано: «Высший уровень цедэки (благотворительности) – когда дающий не знает, кому он даёт, а получающий не знает, от кого он получает». Но тогда я об этом не знал и не думал. Несколько минут смотрел на эти дары, а потом вдруг вспомнил, что сегодня – мой день рождения. Я выпил самогон, вскипятил воду и заварил крепкий чай. Вышел на улицу. Закурил.

Настроение было праздничное. Я жевал хлеб, запивал его чаем с сахаром и думал, что лучшего подарка на день рождения я никогда не получал – и вряд ли когда-либо получу.

НА ПРИЁМЕ

Вера Арболь
США

Рыжий таракан ползёт по идеальному отполированному паркету под нескончаемым столом. На полу много человеческих ног, помещённых в женские туфельки разного калибра, цвета и фасона, и только одна пара – в мужских туфлях дорогого итальянского бренда. Доносятся голоса: слегка возбуждённые, ласковые, заискивающие, покорные. Женские преобладают – один из них начинает тираду, стоически продирается через жёсткий контент к единодушной елейной благодарности.

– Я вдова героя России. Спасибо вам.

– Я мать героически погибшего ефрейтора Курочкина. Благодарю вас от всей души.

– Мой муж погиб при исполнении своего служебного и отеческого долга. Мы очень вам благодарны. Спасибо вам за всё.

Мужской голос реагирует на тирады так же однообразно и вкрадчиво, как бы вторит инициаторам, воздействует успокаивающе и доверительно:

– Спасибо вам.

Таракан подползает к ноге в бежевой лакированной туфле-лодочке. Останавливается на несколько секунд, движется дальше вдоль рядов столь разнообразных экспонатов, словно посетитель галереи переходит от одной картины к другой. Тормозит у малиновых туфель с блестящими пряжками. Прикидывает, как изучить предмет поближе. Бодро начинает неторопливое восхождение, но у самой кромки замирает, как бы вспомнив, что он действительно хотел рассмотреть. Поворачивается и устремляется по направлению к кисточке на союзке туфли. Блёклый голос шелестит в пространстве:

– Я – мама четырёх детей. Хоровой дирижёр. С недавних пор вдова... Спасибо вам... Спасибо большое.

– Вам спасибо.

Таракан спускается с малиновой туфли и движется дальше по маршруту – к паре серых замшевых туфель с острыми носами. Очевидно, поверхность ему нравится, потому что он оббегает туфлю по кругу и благополучно спускается – его влекут новые приключения. Под монотонные разговоры, как под зарядивший осенний дождь, таракан торопится в путь.

– Я – старшая сестра участника СВО. Брат, к сожалению, погиб...

– Спасибо.

Наконец, путник достигает строгих чёрных туфель и решается на настоящую экспедицию «внутри материка». Преодолев территорию туфли, он за-

Я – МАМА ЧЕТЫРЁХ ДЕТЕЙ. С НЕДАВНИХ
ПОР ВДОВА... СПАСИБО ВАМ...БОЛЬШОЕ.

Вера Арболь

ползает – о, боже! Такого он себе раньше не позволял! – на ногу в капроновых колготках. Тем временем сверху зазвучала заученная речь:

– Я тоже сестра погибшего участника СВО. Замужем, воспитываем трёх прекрасных будущих...- Слово проникнувшись серьёзностью момента, таракан замедляется и, кажется, взвешивает каждый свой шаг, смакует. Чего не скажешь о хозяйке ноги – почуяв щекотание, она сначала сдерживается и лихорадочно пытается закончить предложение.– ... защитников... отечества... В попытке справиться с нахлынувшими сенсорными ощущениями, она закрывает ладонью рот и прыскает в руку. Одновременно второй ногой она пытается избавиться от помехи и елозит ею по ноге-дороге. Между тем мужской голос участливо спрашивает:

– Всё хорошо у вас?

– У нас всё хорошо, всё хорошо,- поспешно заверяет хозяйка ноги.-

Большое спасибо.

Мужчине этого недостаточно, он хочет убедиться на сто процентов в ответе, поэтому он переспрашивает:

– Всё нормально?

Однако, произнеся это, он тут же успокаивается и добавляет:

– Спасибо вам за мальчишек.

– Вам большое спасибо, – как мантру талдычит дамочка, и к ней, словно по незримой команде, присоединяются остальные участницы разговора:

– Спасибо вам, спасибо, Владимир Владимирович, спасибо ...

Говоря это, она всё ещё пытается избавиться от проблемы – призывает на помощь свою руку и, наконец, сильным щелбаном отшвыривает таракана со своей ноги куда-то в сторону. Злосчастный путник расплывается за своё неумное любопытство и приземляется рядом с ногами в брюках. Под гвалт женских голосов и общий ажиотаж за столом мужская туфля накрывает таракана и придавливает его весом хозяйского тела. Таракан принимает почётную смерть. Его уход сопровождается непрерывными аплодисментами и громко звучащими словами благодарности. Аминь.

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Вера Арболь

«В моей жизни даже воскресений нет», – горько думала Ольга Петровна Скворцова. Уже много лет она работала на двух работах. Под вечер этого «выходного» она собирала сумку с продуктами для похода в городскую больницу. Свёкр, Юрий Михайлович, в четверг внезапно почувствовал нестерпимую головную боль, вызвал скорую, и уже в пятницу доктор позвонил Ольге Петровне с убийственными новостями: на МРТ-снимке чётко просматривалась обширная опухоль мозга. Прогноз был как внезапный удар под дых: четыре месяца, если не делать операции, а если сделать и провести лечение радиацией, то может протянуть ещё годик-полтора.

От обрушившихся новостей у Ольги Петровны кружилась голова и к горлу подступала тошнота. С тех пор, как в отпуске в Турции, утонул её муж, свёкр был чуть ли не единственной опорой ей и детям. Никаких особенно близких отношений у них до смерти Павла не было, общались формально, как многие. Он, казалось, даже недолюбливал Ольгу Петровну, отводил глаза при встрече, словно ему неприятно было её видеть.

Но после трагедии немногословный Юрий Михайлович незаметно начал делать мужские дела по дому, неизменно помогал деньгами, часто оказывался нянькой Саше и Тане.

Родители Ольги Петровны жили очень далеко и поддерживали дочь только во время кратковременных приездов. А одинокий Юрий Михайлович (жена оставила его, когда Павлик был ещё ребёнком, и он так и не женился вновь) всегда был под боком, безотказный, не задававший вопросов. За последние пятнадцать лет невестка и свёкр научились понимать друг друга лучше, чем иные супружеские пары. И тут эта новость – будто взрыв от баллистической ракеты прогремел рядом, и Ольга Петровна, словно в замедленной съёмке, наблюдала, как

в огне и дыме чёрные обломки поднимались в воздух и наполняли пространство вокруг хаосом и смертью.

По воскресеньям детей было не найти дома. Они, как обычно, крутились в бесконечном вихоре студенческой жизни: готовились к тестам и экзаменам, тусовались с друзьями, безумствовали на рок-концертах, ходили в походы, и делали, бог ещё весть что. Ольга Петровна искренне радовалась их полнокровной молодой жизни и грустно отмечала, что в ней они нуждались всё меньше и меньше. Около пяти часов вечера Таня с боевым раскрасом на лице забежала на минуту на кухню, схватила последнюю оладушку с тарелки и недовольно воскликнула:

– Опять Сашка всё сожрал! Я хотела девчонкам угостить! М-а-а-а-м! Вечно ты всё лучшее ему подкладываешь!

Ольга Петровна только руками развела:

– Да я и не видела, когда он успел. Танечка, я ещё напеку, не расстраивайся.

Таня глянула на большую сумку на стуле и, жуя, примирительно спросила:

– А ты куда собираешься? К деду? Ну, привет ему передавай. Скажи, что я его как-нибудь навещу, вот сессию только сдам. Ладно, пока! Я в общагу к нашим, шпоры писать будем. – и выпорхнула за дверь.

Ольга Петровна на мгновение застыла в задумчивости: детям она ещё не сказала о страшном диагнозе деда – не стала беречь их души перед сессией. Но самое мучительное было другое – ей предстояло решить, говорить ли Юрию Михайловичу о его диагнозе и врачебном прогнозе. По телефону доктор сказал, что она, как ближайшая родственница, может сама рассказать свёкру о положении его дел. Но Ольга Петровна колебалась: не раздавит ли его эта новость морально? А, может быть, он упадёт духом и не станет бороться за жизнь? С мыслями весившими тонны она отправилась в путь.

По дороге Ольга Петровна планировала заскочить в магазин купить лимонов – свёкр обычно добавлял ломтик в чай. Она зашла в ближай-

ший супермаркет и, пока стояла в очереди в кассу, услышала, как кто-то сзади окликнул её по имени. Она резко обернулась – она всегда всё делала стремительно – и увидела, кажется, знакомое молодое лицо. Она внимательно всматривалась в него несколько секунд. Молодой человек, также смотрящий на неё в упор, позволил ей бегло заглянуть в многочисленные ящички памяти, словно перешерстить библиотечную картотеку. Однако, видя тщетность её попыток найти нужную карточку – вспомнить его имя, он, наконец, восторженно произнёс:

– Здравствуйте, Ольга Петровна! Не узнаете? Я Денис Гурвич. Не помните?

Ольга Петровна так и захлебнулась от восторга и неожиданности:

– Господи, Денис! Ну конечно! Прости, как же я так опростоволосилась?

– Ничего страшного, Ольга Петровна. Нас вон сколько у вас было, а вы одна.

– Ну, расскажи: как ты, где? Видишься ли с кем-то из наших?

– Да я в порядке. Проездом здесь сейчас, с родителями приехал повидаться перед отъездом в Польшу. Я – программист, у нас сейчас большой общий проект с поляками, надолго, наверно, уеду.

– Ух ты, молодец какой! Как я рада, что осуществилась твоя мечта! А про других что-то знаешь?

– Да, недавно спонтанно собрались на даче у Петьки Рыбакова. Сашка Белов был, Машка Панова, Андрюха Зайцев, Максим Редькин, Валя Тихомирова. Вас, конечно, вспоминали – вы так и остались нашей любимой учительницей. Вспоминали, как мы в поход на два дня ходили, как Чувашов с Демиденко тонули, а вы их спасли, как мы устраивали вечеринки классом, как на картошку ездили, много чего ещё. Вот, блин, они мне завидовать будут, когда узнают, что я с вами увиделся!

– Так нам надо собраться как-то вместе, всем! Посидеть, поговорить. Я тоже всех помню, фотографии часто перебираю – золотые дети вы были, одиннадцатый «А»!

– Это мы с вами золотыми были, а директор нас не жаловал. Помните, как вы нас постоянно отмазывали от его наездов? Если б не вы, нам

Вера Арболь

бы трудно было и школу-то окончить! Ох, он наш класс не любил! Да и не только он, и физик тоже, и математичка.

– Да, было дело... Но ничего, всё хорошо, что хорошо кончается: из всех толк вроде вышел, все приличными людьми оказались, – весело рассмеялась Ольга Петровна.

Они обменялись контактами, обнялись и разошлись. От школьных воспоминаний лицо Ольги Петровны расправилось и просветлело. Казалось, что и на сердце саднить стало меньше. Внезапная эмоциональная встреча с бывшим учеником виделась как хороший знак – она верила в знаки. На автобусной остановке она села в маршрутку и уставилась по обыкновению в окно. И хоть мысли её стали немного легче, недавно свалившееся бремя всё равно непрестанно ощущалось. Она совсем было отстранилась от происходящего вокруг, перестала замечать входящих и выходящих людей, только сидела почти неподвижно и пыталась представить, что теперь будет с Юрием Михайловичем и их семьёй. Вдруг кто-то потянул её рукав, раз-другой. Она не сразу сообразила, что происходит, а когда поняла и повернула голову по направлению к сидящему рядом человеку, узнала Ирину, свою давнюю приятельницу. Когда-то они вместе начинали работать

...В ТОТ МОМЕНТ, КОГДА ЕЙ ОСОБЕННО ЗАХОТЕЛОСЬ РАССКАЗАТЬ КОМУ-ТО О СВОЁМ ГОРЕ, РОВНО В ЭТУ МИНУТУ НАШЁЛСЯ ТАКОЙ ЧЕЛОВЕК

экскурсоводами в местном краеведческом музее, но потом разошлись трудиться в разных туристических агентствах.

– Боже, Ира! Какими судьбами! – изумилась Ольга Петровна, – сколько лет, сколько зим!

– Это точно, Оленька! Я тебя случайно увидела в окне автобуса, ну и рванула к тебе, подумала: когда ещё мы с тобой увидимся, рутина всех заела, а ты тут вся отрешённая сидишь, никого не замечаешь. Что с тобой, дорогая моя? Рассказывай!

Вера Арболь

Ольга Петровна не могла поверить своему счастью, этому маленькому чуду: в тот момент, когда ей особенно захотелось рассказать кому-то о своём горе, ровно в эту минуту нашёлся такой человек, самый правильный человек, самый подходящий. Они редко встречались с Ириной – как-то так складывалось, что каждодневные их маршруты пересекались нечасто, но когда это происходило, они откровенничали друг с другом до конца.

Ольга Петровна думала «Хорошо, что это так. В этом, скорее всего, и состоит логика жизни: как часто мы готовы открывать душу другому человеку?» И теперь, в стареньком подвывающем на скорости автобусе, она поведала Ирине все печальные обстоятельства последних дней. Ольга Петровна знала, чувствовала, что Ирина могла искренне ей посочувствовать, так же, как давно она переживала вместе с ней потерю Паши. Впрочем, их поддержка друг друга была обоюдной: в своё время Ольга Петровна буквально спасла Иру от страшного поступка, когда та потеряла дочку в автокатастрофе. Они проговорили всю дорогу и ещё полчаса на остановке около больницы. Напоследок Ирина сказала с теплотой:

– Держись, Оленька. Я знаю, ты сильная, ты справишься. Иногда нам остаётся только полагаться на естественный ход вещей – делай, что должно, и будь, что будет.

Ольга Петровна вошла в больничную палату и сразу же увидела свёкра. Он тонул в глубоких сугробах подушек – непривычно беспомощный, сам не свой. Она подошла к нему совсем близко, он приподнялся с заметным усилием, и без слов они обнялись в общем порыве.

– Спасибо, что пришла, Оля. А больше-то и некому – вон оно как выходит.

– Конечно, Юрий Михайлович, как я могла не прийти, вы же родной нам человек. Поправляйтесь, мы навещать вас будем. Вот дети сдадут сессию и тоже придут.

Юрий Михайлович утомлённо прикрыл глаза. В палату заглянула молоденькая медсестра и, обращаясь к Ольге Петровне, робко спросила:

– Вы родственница Скворцова?

Ольга Петровна молниеносно выпрямилась, как перед боем, и кивнула. Жестом медсестра позвала её выйти в коридор. Там она сбивчиво затараторила:

– Извините, пожалуйста... меня доктор попросил вам сказать, он сам не может сейчас, на операции... Тут такое дело... Ну, в общем, мы снимки перепутали. У вашего Скворцова нет опухоли, у него аневризма просто, что тоже в общем-то опасно, но её склеить можно... хорошо, что обнаружили, всё будет нормально, будет жить... Ещё раз извините...

Ольга Петровна закрыла рот ладонью. По её лицу неудержимо текли слёзы.

– Неужели у нас сегодня всё-таки воскресенье... или воскресение, – наконец сказала она. Но молоденькая медсестра посмотрела на неё с непониманием.

Вера Арболь

САЛОН «ВСТРЕЧИ С ПРОШЛЫМ»

В салон со светящейся неоновым фиолетовым светом вывеской «Встречи с прошлым» вошла престарелая особа. Она представляла собой прелестное существо, ибо весь её прикид был достоин того, чтобы его рассмотреть и, может быть, даже зажмурить глаза от восхищения.

Совершенно точно – в прошлом, она была чьей-то музой. С первого взгляда на неё любому было ясно, что она жила долго, понимала о себе много и хорошего, и не совсем хорошего – так респектабельно она держалась. В свою очередь её бесстыжий белёсый взгляд устремлялся неизменно мимо вас, как бы презируя пространство и само время. Блузка ядовитого-зелёного цвета дополнялась пурпурным газовым шарфом на объёмной груди, а красная юбка-стакан обтягивала крупные округлые бедра – вся она была словно вариация увядающего арбуза. На голове колыхала широкими полями черная шляпа с перьями, из-под которой, сухим арбузным хвостиком тянулась ржавая с пробелами коса до самых округлостей юбки. Словом, даже если бы вы и собирались её игнорировать, вы бы не удержались зыркнуть на неё хоть разочек.

Впрочем, хозяйка салона, Мадам Жанна, и не помышляла игнорировать ни одного клиента. Она сама выглядела, как двойник Мортиши Аддамс, в чёрном блестящем платье с высоким стоящим воротником. С готовностью, и даже с какой-то удивительной покорностью, она окружала гостей атмосферой расслабленности и тихого участия. Мадам Жанна встретила ретро-музу так приветливо, что и стороннему наблюдателю, стало бы понятно, что они знакомы. Хозяйка провела клиентку во мрак, к огромному шуршащему белым светом экрану и усадила в глубокое кресло. Где-то сбоку интимно журчала вода в комнатном фонтане, тонкий аромат жасмина ощущался в воздухе. Мадам Жанна вкрадчиво спросила музу:

– С кем сегодня встречаемся, госпожа?

– С Ерофеевым, мудилой грешным, чтоб ему хорошо там жилось! – взбудоражилась муза, и её арбузная грудь заколыхалась в волнении.

– Конечно-конечно, – подхватила возбуждённый тон Мадам Жанна, – скажите, какую-нибудь его фразу, чтобы он вышел на контакт. Ну, как обычно, помните?

– Ну... что сказать-то? Ну, давайте хоть: «О, гармоническая!» или нет, лучше эту: «О, блудница с глазами, как облака!»

Мадам Жанна одобрительно кивнула, и на экране тут же появился в слегка помятом, но элегантно в костюме Веничка. Выглядел он пожилым шалопаем-алкоголиком: из-под белой чёлки весело смотрели мутные глаза «в мешках». Он смущённо улыбался, взор его блуждал, словно он только что опохмелился и сделался необыкновенно довольным.

– О! Явился, Ерофеев! Быстро ты! Видать ангелы твои тебя недалеко держат, – незамедлительно начала интеракцию муза.

Вера Арболь

Убедившись, что сеанс начался успешно, Мадам Жанна выскользнула из комнаты, как ловкая летучая мышь – беззвучно и стремительно.

– О, царица небесная! Неужели это ты, пышнотелая дьяволица! Ну, разумеется, я узнаю тебя по несравненному твоему аромату и бесподобным рожкам ресниц! О, эта мутная сучья белизна в зрачках! – Веничка мгновенно пришёл в состояние крайнего возбуждения и весь затрясся.

– Ну, ладно, я щас воспылаю к тебе с новой силой, лучше перестань! – заклокотала густым вульгарным смехом «дьяволица», – вспомнила вот о тебе, дай, думаю, напоследок перед смертью посмотрю на тебя, пса паршивого. Так ты и не доехал до нас с сыночкой!

– Не доехал, о, коварная оболстительница! Но в том, ангелы не дадут соврать, не моя вина – четыре неизвестных погнались за мной и воткнули мне нож в горло. А уж после этого ни одна Царица Небесная не сможет доехать до Петушков. Вот я и сам зажил небесной жизнью. Но, конечно, никак не могу забыть о вас с мальчиком. Ну не томи же, о, соблазнительная моя дьяволица! Расскажи мне о вашей жизни, как там, в Петушках, да и вообще, везде! – Веничка заискрился от нетерпения.

Муза, а по Веничкиной версии, «царица с ресницами, опущенными ниц», как будто вновь почувствовала былую власть над ним, самодовольно хмыкнула и принялась сначала как бы неохотно, исподволь, а потом, распаяясь всё больше, рассказывать. Она поведала Вене, что ещё не однажды выходила замуж после того, как поняла, что он больше к ней не вернётся. Год спустя после его пропажи какой-то забулдыга случайно рассказал ей о трагичной участи Венички, но убийцу, конечно же, не нашли. Поэтому зла она на Веню не держала, но только досадно ей было, что так всё получилось, и что утратили они своё золотое время на любовные дела. Веничка слушал и молчал, опустил глаза и молчал, и, казалось, он и не мог выговорить ни слова, будто великая немота обрушилась на него, как бодун после недельного запоя.

Муза клокотала о бесконечном пьянстве своего окружения, о грандиозном развале «Совка», о попытках выстроить демократии в отдельно взятых осколках Советской империи, и многом другом. Иногда она делала передышки и временно замолкала, видимо, давая шанс высказаться Веничке. Но тот молчал с постоянством морского конька и лишь вздыхал, и опускал заплывшие глаза.

Муза же с воодушевлением вещала об упущенных возможностях, и о том, как всё повторяется, только с ещё более бессмысленным и масштабным подходом. Говорила жуткие вещи: идёт кровавая война между народами во всём мире, маховик закрутился быстрее и вернее, люди теперь не доверяют самим себе, ибо совершают гадости направо и налево. Книжки жгут прямо на площадях, а на студентов открывают уголовные дела за какие-то мемы. Школьников снова учат обращаться с оружием. В борьбе за рождаемость школьниц обязуют рожать сразу после выпускного и не поступать в вуз, а заниматься только вы-

“
...МОЛЧАЛ
С ПОСТОЯНСТВОМ
МОРСКОГО
КОНЬКА И ЛИШЬ
ВЗДЫХАЛ,
И ОПУСКАЛ
ЗАПЛЫВШИЕ
ГЛАЗА...

Вера Арболь

рациванием детей для будущих войн. Обучение же в вузе стоит за пределами денег, поэтому высшее образование могут получить единицы, остальные отправляются на заводы и чёрные работы. Любые контакты с заграницей преследуются, поездки в другие страны жестко ограничены. А если кто-то решается на такую поездку, его обвиняют в госизмене. Смертная казнь узаконена и используется при каждом подходящем случае. Сыновья и внуки её приятелей и знакомых отправились воевать – кто добровольно, кто по принуждению, и теперь они гниют на полях чужбины или возвращаются домой в чёрных мешках в неузнаваемом виде...

Веничка, наконец, встрепенулся и в волнении произнёс:

– Ты права, моя дьяволица, всё это уже было! А как же мой мальчик во всей этой дикой круговерти? Он тоже ушёл на войну?

«Не женщина, а бланманже», усмехнулась с кривой улыбкой и жестоко ответила, что «его мальчику» уже стукнуло много лет, и что хоть он и стар для войны, но не стар для тюрьмы. Она поведала выворачивающую кишки историю о том, что «мальчик» по своей несусветной глупости или слепоте поставил «какой-то лайк» под антивоенным постом (под чем?) в каком-то контакте (с кем был контакт Веня так и не понял), а потом запостил (что несет эта несравненная?) у себя песню «Несе Галя воду», которую шалопай Веничка бывало скулил у детской кровати. Какой-то ответственный гражданин донёс эти сведения куда надо, и теперь «мальчик» уже год сидит в колонии и пишет ей грустные письма.

– И ты б, Ерофеев, как пить дать, сидел бы, если б тебя не прирезали – я уж тебя знаю, – провидчески закончила тираду муза.

Полуулыбка пробежала по Веничкиному бледному лицу, и он лишь сказал ей:

– Жизнь человеческая – минутное окосение души... и затмение души тоже. Ангелы мои покинули меня в трудный момент, и тебя, искусительница, покинут, не сомневайся... Но наказание всех настигнет – я уж прослежу за этим.

Веничка исчез, экран залился белым трескучим светом. Муза выглядела измученной после длительного разговора с бывшим возлюбленным, а точнее, монолога по большей части. Кряхтя, с заметным усилием она поднялась со стула. Немного качнулась, обретая равновесие. Мадам Жанна появилась так же внезапно, как и исчезла, и предупредительно подхватила её под руку:

– Закончили уже? Как поговорили?

– А, – мотнула головой муза, – не тот уже Веничка, – как бы обессилев в одночасье, пробурчала она и медленно заковыляла к выходу.

На следующий день услужливая Мадам Жанна сидела перед следователем Егоровым, в отделении полиции. Мент слушал аудиозапись разговора музы с Веничкой, которую заботливо подготовила хозяйка салона. Он то напрягался, то оскаливался, и, наконец, уточнил:

– Так это был настоящий Ерофеев, Жанна Викторовна?

– Ну да, точнее, каким бы он мог быть в его настоящем возрасте на сегодняшний день.

– И как часто она с ним разговаривает?

Георгий Ефремов

Литва

Я русский литератор. Единственная Родина, которую у меня пока не отняли, – русская речь, под предлогом защиты которой очередные захватчики Кремля льют кровь и грозятся испепелить мир. Как вы защищаете – всем известно, внятно и очевидно. Разрушенные вами кварталы и города давно говорят на общем для всех землян языке: они воют от боли и ненависти. Загрязнять всё вокруг трупным ядом и трубить о спасении соотечественников – вот ваши методы «защиты».

Враги страшнее вас у России, возможно, и были, но у русской литературы и нашего языка, не было никогда. Ничего страшнее вашей «помощи», вашего так называемого участия, – нет и быть не может.

Если у российской имперской идеи имеется хоть какая-то преемственность – она в неослабной ненависти к русскому слову, к народу, к его подлинному и разумному самоопределению. Начиная с Андрея Курбского и протопопа Аввакума, продолжая Радищевым, Чаадаевым и Герценом, заканчивая (если бы!) Гумилёвым, Мандельштамом и Бабелем, верховная власть демонстрировала и упрямо проводила одну и ту же линию: душить все более или менее человеческие проявления русского духа.

Прямые последователи этих «патриотов» обещают защитить нас от наших спасителей – народов и государств, давших нам приют, укрытие от свирепой родины.

Заклинаю: оставьте нас и наших друзей в покое. Дайте нам отдохнуть от многовекового позора – причастности, принадлежности к зверству. Других желаний у меня давно нет.

В ночь рассвета
С небес облетает облачная полова
Даже скотине и той достаётся слово
В день заката
Зловонному сумраку нет ответа
Ему ещё долго сгущаться до полной тьмы
В которую мы
Неминуемо канем
И немоту отуманим
Дуновеньем, дыханьем
15 августа 2025

Я спросил: «Мой друг Финдлей!
Ведь не было времён подлей?»
Он мне ответил вдохновенно:
«Мужайся, – будут непременно!»
17 августа 2025

Мирослава Китеж

Россия

МОРЕ, МОРЕ, ФЕОДОСИЯ

*По мотивам реальных событий.
Все совпадения случайны.*

– Любитесь, девки, пока молодые! – Шурочка была серьезна и категорична. Такими вещами не шутят. Ей ли не знать, как быстро все кончается. – Я замуж вышла в девятнадцать, думала, старая уже – сейчас или никогда. Муж-то у меня хороший, послушный, только не люблю я его, а вокруг столько интересных мужчин!

Оля смотрела на Шурочку с испуганным любопытством: так вот она какая бляха-муха, старушка-огневушка. С высоты Олиных девятнадцати Шурочкины пятьдесят шесть были возрастом старческим. Да и выглядела она бабушкой: седые кудряшки, красные червячки капилляров на носу и щеках, цветочки на штапельном платье, бусики.

Рядом крутился дедок в брючках с неожиданно аккуратными стрелками. Костик, Шурочкин хахаль. В Москве у Костики была старая жена, у Шурочки – муж, они дружили семьями. В сущности, Костик был хорошим мужем: когда в Мосторге выкидывали байковые халаты, непременно брал два: жене и любимой Шурёне. Так и ходили подружки-соперницы в одинаковых «жутких розочках». Дома Шура с Костей вели себя смиренно – не любились за портьерой на партсобрании, как бывало, а командировки у Шуриного благоверного всё реже. Приходилось ждать лета, чтобы, наконец, предаться старческому разврату наедине. То есть на глазах всей Феодосии.

«Море, море, Феодосия, словно стал матросом я», – гнусавил себе под нос Костик, и Шурочка смотрела на него с нежностью.

– В мужике что главное, – продолжала она учить молодых, – чтобы хрен стоял и деньги

были. А то иной палку бросит и пять копеек на трамвай просит.

В Олиной комсомольской душе боролись ужас и восторг: какие жуткие вещи говорит эта Александра Ивановна – коллега тётъ Зины, с которой они приехали в Крым. Но, с другой стороны – она явно знает, что говорит.

Тётъ Зина тоже немолода – тридцать три года и не замужем! И за всю жизнь – два любовника. Порядочная. Зина любила Козлова. Всю молодость на эту любовь угрохала, а он... Но нельзя же до свадьбы, а он... Не предлагал он руку и сердце, вот что. И в двадцать восемь Зина решилась. Не помогло. Потом был какой-то зэк с конем не то на спине, не то на груди. Вот зачем она все это племяннице рассказывала? Комсомолка и сама, конечно, была влюблена, и уже куснула пару раз запретного плода, но все-таки?

«Почему, яблоко, а не виноград? – мелькнуло в голове у Оли. На клеенке стола покачивались виноградные тени. – Может он в тот момент ещё не созрел? А я – созрела?».

Больше всего в сексе Оле нравилось положить голову Паше на плечо, когда всё кончилось. Он пытался сказать, что у девушек должно быть по-другому, но сбивался, не договаривал. Интересно, что он имел в виду?

Хорошо, что они с Зиной разделили обязанности: Оля ходит на рынок и готовит, Зина моет посуду в холодной воде и наслаждается: неуют напоминает ей юность и Козлова.

Сегодня Оля испекла блины на старой чугунной сковородке. Ух и тяжелая!

Мирослава Китеж

Я ВОТ ТОЖЕ РАНЬШЕ ДУМАЛ,
А ПОТОМ ПОНЯЛ: И ЛЮБОВЬ
ЕСТЬ, И ЧУВСТВА,
И ПРЕДЧУВСТВИЕ...

– Оленька, ты прямо принцесса блинов, – нахваливала Шуручка, заворачивая в блин кусок селедки. – Парня своего тоже, небось, балуешь? Ты это брось! Мужчине, пока себя не проявит, чаю налила и печенье «Юбилейное» на стол, и будет. Любовь – это жадные мужики придумали, чтобы женщине не платить.

– А я верю в любовь! – Зина ловко орудовала вилкой и ножом, упаковывая в блинчик сочную мякоть дыни.

– И правильно, что веришь, – Костик налил себе утреннюю стопочку. – Я вот тоже раньше думал, а потом понял: и любовь есть, и чувства, и предчувствие... Ловко ты это! – покосился на приборы.

– Мы как-то с ребятами, с премии, в ресторан пошли. Возле театра «Ромэн». Там цыганки, ну такие, – теперь на Шуручку покосился и покосился глазами на дыньку, – артистки, одеты богато. В общем, приносят шашлык на шампуре. Я вилкой мясо снимаю, а оно скок и отстреливает точно в декольте цыганки за соседним столом. Я подхожу, извиняюсь, конечно, руку ей в вырез запускаю, достаю мясо. И серьги её замечаю – огромные золотые кольца. Думаю про себя: дутые, поди. Цыганка груди салфеткой промокнула, глаза подняла и говорит, улыбаясь: «Нет, не дутые».

– Ох, и мастер ты анекдоты рассказывать, – хохочет Шуручка.

После завтрака – сборы на море. Зина с Олей на пляж военного санатория, Шура с Костей – на какой-то свой, тайный.

– Ну-ка, девки, покажитесь? Ох, хороши! А это еще что? – Шуручка ткнула пальцем в томик, выпиравший из Зининой пляжной сумки. – Ты что это сюда читать приехала? А ну выкладывай! Милая моя, нужно по сторонам смотреть, а не с книжкой на камушке. Приехала отдыхать – отдыхай: посмотрела налево, посмотрела направо...

На пляже Оля звезда. Стройная, ногастая, «глаза» третьего размера, талия – руками обхватить, улыбка загадочная. Это она о Паше думает все время, вот и улыбается. Вечером пойдет на почту, звонить, уже три дня пятнашки собирает.

– Девушка. Хотите винограда? Он мытый!

Оля подняла ладонь козырьком – а, это офицер, с которым Зина вчера познакомилась. И

какой-то еще рядом, нос картошкой, – виноград протягивает.

– Спасибо.

На пляже просидели до вечера. Пообедали в столовой и вернулись – с арбузом. Потом появилась гитара, вчерашний знакомец приобнял Зину за плечи, Нос картошкой придвинулся к Оле и сидел стеснялся. Оля смотрела на море и думала, конечно, о Паше. Как он её полюбил, за что? Он такой красивый, такой талантливый, в МГУ учится. А она? Кудряшки эти идиотские, передний зуб испорчен пломбой, не улыбнешься, не поступила второй год.

– Пойдем вечером на дискотеку? – прервал раздумья Нос картошкой.

– А? Я, э, я вечером на почту, звонить, – опять улыбнувшись, ответила Оля и заволновалась: хватит ли пятнашек?

Хватило одной.

– Павлик поехал в гости к... к кому-то, в общежитие ГЗ, – проворковала в трубку Серафима Викторвна (Оля звала её Хиросима Викторвна).

– Ты, Оленька, завтра позвони, к вечеру. Как отдыхается?

Голос Хиросимы улыбался – она знала, что сын обещал своей девушке не шляться по ГЗ. И вот. Не то чтобы она не любила Олю, скорее, оберегала сына от преждевременных пеленок. Сама-то стала матерью в восемнадцать, бабушкой в тридцать шесть – старшенький повторил ее стройотрядовский подвиг. Зачем это Павлику? Да и девица эта... не то чтобы их круга.

– Спасибо, хорошо, – ответила Оля, но в голосе уже блестели слезы.

Какая же прекрасная ночь была вчера! Украинская ночь ведь начинается сразу после дня. Село солнце – и ночь. Небо глубокое, звезды близко, теплая темнота звенит цикадами.

Какая же вчера была прекрасная ночь! И какая ужасная сегодня! Небо глубокое, звезды близко, темнота звенит цикадами. И каждая из них кричит Оле: «Ну, съела? Принцесса!».

– Чего расстроенная – не дозвонилась? Из темноты выступил Нос картошкой, и Оля чуть не подпрыгнула. – Это тебе – вместо пятнашек, – он протянул металлическую закорючку со сплюсщенной гайкой на конце, – опускаешь и говоришь сколько хочешь. Пойдем на набережную?

Они прогуляли почти до двенадцати. Носа с картошкой звали Сережа, он был из Пензы, вел себя деликатно, рук не распускал, шутил по-доброму. Но куда ему до Паши! «Ух, Паша!» – думала Оля и улыбалась Сереже порочно, повернувшись левым профилем, без пломбы, крутила на пальце золотую прядь, отводила плечо, опираясь на перила... А потом ворочалась до утра: как он мог?!

– Почему глаза красные? – сощурилась Шурочка. – Ах, вот как? Не звони. Держись.

Целый день и целый вечер Оля держалась. А утром хватить сплюсненную гайку – и на почту.

– Где ты была? Почему не звонишь? – чуть не кричал он.

– Я звоню, но ты гуляешь.

– Да ладно тебе, там у Тимохи дэрэ был... ну чё ты, ну ладно. Как отдыхается? Не пристают морячки?

– Морячки нет, а сухопутный офицер замуж зовёт, – приврала Оля и очень своему экспромту обрадовалась.

– Ах вот как, – голос стал ледяным. Ну, будьте счастливы! – и швырнул трубку.

На улице начался дождь, в Олиной душе – пожар: «Что я наделала? Дура! Дура! Паша!».

Лило весь день и всю ночь. Тёть Зина ночевать не пришла, и Оля одна рыдала в маленькой, на две койки, комнатке в увитом плачущим виноградником дворе.

Ну почему, ну почему он с ней не поехал? Ведь как было бы хорошо! Как там у поэта: гуляли вдоль, лежали поперёк? А все Хиросима! «Оленька, что это ты так мрачно оделась? Оленька, как ты учишься? На пятерки? Конечно, это же пэ-тэ-у!».

На утро дождь прекратился, и Оля пошла на базар. Фрукты-овощи выглядели невкусно.

Мирослава Китеж

Какая разница, Зины все равно нет. Купив, зачем-то, абрикосов и сметаны, поплелась домой. Сияло солнце, сверкали облака, заливались птицы, горячий булыжник в душе тянул к пыльной дороге. Вот бы прямо сейчас умереть!

Оля вошла во двор и остолбенела. За столом, покрытым клеенчатой скатертью, сидел Паша. Бледный, как московская моль, красивый как бог, злой как черт.

– Ну как – замуж вышла? – вместо здрасти процедил он.

– Н-нет...

– Собирайся, мы уезжаем.

– Погоди, погоди, давай кофе? Ты же с самолета, есть хочешь, наверное, давай блинов? Я сметаны купила!..

К Оле вернулось всё! Он тут, он любит ее, он приехал за ней, он принц!

– Пашенька, прости! Я пошутила, я обиделась! Прости!

Пашенька простил. Как не простить такую загорелую, пахнущую морем и абрикосами.

Бесконечно ласково шелестит украинская ночь. Звезды приближаются и отдаляются, зовут на небо, берут на небо. Как же прекрасен Крым! Море! Маленький тайный пляж! Как прекрасны цикады, звёзды, звёзды, боже мой!..

– Наконец-то! – сказал Паша и положил голову ей на плечо.

– Наконец-то, – сказали цикады.

– Шурёна, ты ж знаешь, я тебя всяко люблю, только детским кремом не мажь больше, ладно? – сказал Костик, выходя покурить в виноградный двор.

Мирослава Китеж

СПАСИТЕЛЬ

С разной сволочью бок о бок Лёля тряслась в вонючем лиазе. «Специально они что ли перед сменой блюют на печку? – думала Лёля. – Всегда одинаково! Ладно, не ной, им, в Бутырках, было хуже. Намного». Только что, на остановке, Лёля читала страшную историю Евгении Гинзбург, и боль ужаса сковала горло и живот. Книга лежала в сумке, но в такой толпе её не достать. Даже прядь не поправить, опять к щеке прилипла.

«Кто все эти люди? – думала Лёля. – Дети и внуки тех, кто мучил невинных? Дети и внуки невинных? Я сама-то кто? Дед Коля служил в НКВД, «Курчатник охранял», но плакал только про войну. Не-е, деда добрый был, не такой. А какие они – такие? Как их отличить от не-таких? А, отличи и что?» Лёля запуталась. Хотелось быть героем, но не хотелось сидеть в тюрьме.

Еще одна остановка, на которой никто не вышел. Зато влезло, подпирая друг друга, человек двести. «И тут уплотнение, – подумала Лёля. – И воняет как от параша». Как воняет параша она, конечно, не знала, даже как выглядит представляла с трудом – как в плацкартном вагоне? Да и воняет хуже. Но бесправия и унижения здесь не меньше. Как минимум, еще четыре остановки бесправия. «А потом домой – чай пить, а они...».

Тут Лёле между ног что-то уперлось – чья-то сумка что ли или портфель. Отойти никак. Лёля пошевелила бедром, «портфель» пошевелился в ответ. Еще не веря тому, что происходит, Лёля попыталась отпрянуть от назойливого «портфеля», но толпа прочно зафиксировала девичьи бедра, и чья-то наглая рука, впилаясь в её промежность. Юбка и плащ «этого» не останавливали.

Лёля застыла в ужасе, лицо вспыхнуло, того гляди прилипшую прядь опалит. Что делать? Что делать? Кричать? Шипеть? Дергаться?

«Вот и они не знали кричать или дергаться, – понеслось было у Лёли в голове, но думать о жертвах репрессий, она боле не могла, нужно было спасать собственную жертву».

Автобус замедлил ход. «Выходить буите?» Румяный хохол, раздвигая пузцом толпу продирался к выходу. Спаситель добрался до Лёли, и еще раз подобрав живот выпятил его между нею и «этим». Лёля гневно обернулась. «Этот» оказался мелким дядькой с обвислыми усами и отсутствующим это-не-я взглядом. Розовый хохол пролез между ними, а потом обернулся и почему-то спросил: «Этой женщине что доказал ты?»

Алиса Дербенёва

Украина

СОЧИНЕНИЕ

Пьеса в одном действии для тех, кто говорит:

«Лишь бы закончилась война!»

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Учительница, усталая женщина неопределенного возраста.

Девочка, лет пятнадцати с зелеными и розовыми волосами, в носу и брови – пирсинг, широкие джинсы и толстовка с надписью "Fuck Trump".

В пустом школьном кабинете за столом сидит учительница. На столе – стопка тетрадей. На доске написано "Двадцать второе марта. Классная работа. Разговоры о важном". Раздается стук в дверь.

Учительница. Войдите!

Заходит Девочка. Учительница показывает ей на стул рядом с собой. Девочка подходит, но продолжает стоять.

Девочка. Зачем вызывали?

Учительница. Хотелось поговорить о твоём сочинении. Я специально выбрала легкую тему – про весну, про обновление природы, про новое начало. Подальше от политики. Зачем ты такое написала?

Девочка. Я правду написала.

Учительница. Правду мы слушаем каждое утро по радио. Ты написала свое мнение, а не правду.

Девочка (*краснеет и сжимает губы*). Так все и было. Весна забрала у нас жизнь. Я ненавижу весну!

Учительница. Весной природа оживает. Все расцветает. В воздухе витают ароматы сирени и ландышей. В рамках программы «Здоровая семья» людям разрешается гулять в городском парке. В мае будет празднование Великой Победы над немецким фашизмом и украинским нацизмом. Это же прекрасно!

Девочка. Вы серьезно? Весной погибла наша страна.

Учительница. Наша страна цветет и процветает. Война закончилась. Мы опять можем свободно разговаривать на русском языке, не боясь преследования со стороны бандеровцев. Вернулись на свои места памятники Пушкину и Александру Невскому. Пройдет еще год перевоспитания, объявленный нашим Президентом, и можно будет временно покидать пределы города

Девочка (*садится рядом с учительницей и наклоняется к ней поближе*). Нас слушают?

НАС

СЛУШАЮТ?

Алиса Дербенёва

Учительница (*опускает глаза*). Перепиши сочинение и принеси завтра. Опиши весеннюю природу. Завтра мне нужно отнести сочинения на проверку в отдел контроля за общим народным образованием.

Девочка (*берет тетрадь, встает и идет к выходу. На полпути останавливается и поворачивается к учительнице*). А как же ваш Миша?

Учительница (*суетливо*). А что Миша? При чем тут Миша? Миша умер, сражаясь с врагами Родины. Миша погиб как герой! Нам Родина выделила деньги, Родина признала его подвиг.

Девочка. Вы забыли, с кем Миша воевал?

Учительница. Наш Президент сказал, что это неважно. Все герои, кто погиб на войне. Бандеровцы запутали людей, задурили им головы своими националистическими лозунгами. Вот люди и погибли. Но теперь все иначе. Мы живем в мирной стране, как мечтали все три года войны. Зарплаты платят стабильно. Наш Президент подарил прощение всем.

Девочка. Ваш разрушенный дом он вам тоже простил?

Учительница. Ты плохо слушаешь правду по радио. Наш Президент объявил Большую стройку. Все разрушенное будет восстановлено. Главы каждого района города раз в месяц собирают людей, которые пострадали от бандеровцев, и делают им ценные подарки. Детям дарят конфеты, женщинам – мясорубки, мужчинам – тельняшки. Все хорошо. Все хорошо. Все очень хорошо.

Девочка. Как вы можете так жить? У вас, наверное, мозги плавятся. В школе понятно, что надо говорить. У себя дома, в бараке, куда вас Родина поселила, вы тоже так говорите?

Учительница. Иди домой. Поздно уже. Комендантский час начинается в восемнадцать ноль-ноль.

Девочка. Вы помните Мишин позывной?

Учительница. Конечно. «Звятия». Это же не запрещено – помнить.

Девочка. Ну хоть с его друзьями вы общаетесь?

Учительница. Все Мишины друзья – погибшие герои. Хожу на кладбище, в церкви ставлю свечи за упокой. В рамках программы «Русская православная церковь – за мир во всем мире».

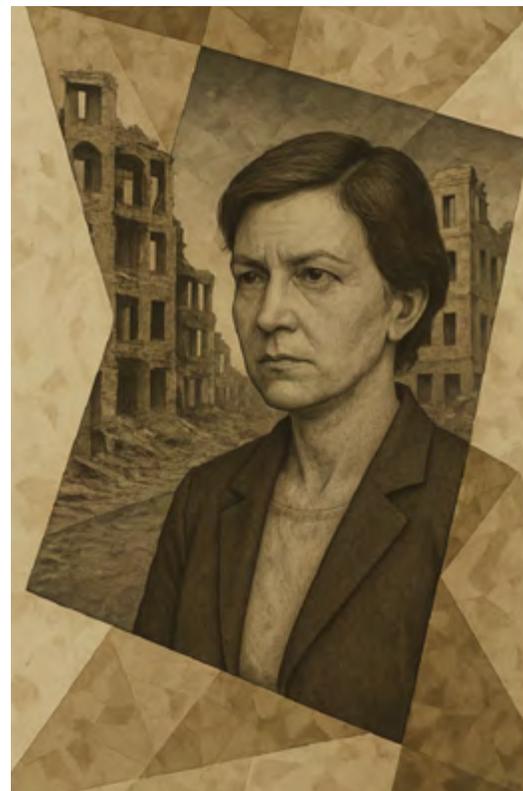
Девочка. Мне так вас жаль. Сын погиб, дом разрушен, родители умерли от сердечного приступа после прилета. А вы вынуждены рассказывать нам о прекрасной Новой родине. Вы же понимаете, что это чушь? Всех нас, весь наш народ – отдали в лапы убийц и извращенцев.

Учительница. Так нельзя говорить. Все хорошо. Просто жизнь изменилась. Это нормально. Все меняется. Главное – закончилась война. А люди и в мирное время умирают. Ничего не поделаешь. Надо смириться и принять.

Девочка. Почему вы не уехали, когда давали два дня на сборы? У вас

ПОЗЫВНОЙ «ЗВИТЯГА»

Алиса Дербенёва

здесь, в городе, никого не осталось. Жили бы в Германии. Или в Польше. В нормальной европейской стране.

Учительница. Здесь могилы остались бы. Кто за ними ухаживать будет? А твоя семья почему не уехала?

Девочка. Родители – из-за работы. Меня саму не пустили. Несовершенно-летняя. Мне кажется, что еще можно что-то изменить. Может, книги на украинском читать? Только я не знаю, где их теперь взять. Помните, какой большой костер был в центре города, когда война закончилась? Все книги там сожгли. В нашем интернете нет украинских книг. Может, у вас где-то остались? Я бы почитала. Не волнуйтесь, я осторожно, никто не увидит. Я помню, вы раньше украинскую литературу вели.

Учительница (встает и закрывает окно). У меня ничего нет. Читай программную литературу.

Девочка. Я слышала, что есть какие-то тайные общества, в которых говорят на украинском. Не могу терпеть насилие, хочу родной язык вернуть.

Учительница. Твой родной язык – русский. Украинский язык – это испорченный и упрощенный русский. Он тебе не нужен.

Девочка. Когда я вырасту, буду бороться с захватчиками. Вы не смогли, но наше поколение смелее и лучше. Мы вернем себе свою страну! Мы будем свободно ездить по всему миру! Мы будем говорить, читать и писать на украинском языке! А вы – трусы и предатели, тьфу на вас!

Девочка плюнула на пол и развернулась в сторону выхода. Учительница поднялась, расправила плечи, подперла бока кулаками.

Учительница. Не смій розмовляти зі мною в такому тоні! Що ти собі дозволяєш? Ти ще мала й дурна, не розумієш, що боротьба тільки починається! Йди додому, швидко!

Девочка счастливо улыбнулась, нарисовала руками сердечко и выскочила из дверей кабинета.

Учительница (достает из сумки телефон). Разрешите побеспокоить? Есть одна ученица. Заявила о стремлении читать книги на украинском языке. Выказывалась против существующей власти. Да, я пришлю имя и адрес.

Девочка выходит из школы. Отходит на несколько метров. Достает телефон.

Девочка. Я была уверена, что расколю её! Она долго держалась, говорила по методичке программы «Русская школа для учителей и воспитателей». Но я ее дождала! Она перешла на украинский и объявила, что борьба только начинается. Готова давать показания, есть аудиозапись. Только отпустите маму сначала. Она ни в чем не виновата...

На пустой улице слышится гомон птиц, начинают распускаться почки, зеленеет трава и пахнет весной. Весной две тысячи ...цать ...го года.

ЗАНАВЕС

ПОМНИТЕ,
КАКОЙ БОЛЬШОЙ
КОСТЕР БЫЛ В
ЦЕНТРЕ ГОРОДА,
КОГДА ВОЙНА
ЗАКОНЧИЛАСЬ?
ВСЕ КНИГИ ТАМ
СОЖГЛИ.

Алиса Дербенёва

ОБЕД

Мы собрались за обеденным столом. Как каждое воскресенье.

Мы – это мама с папой, моя старшая сестра Уна, бабушка Лиззи, дедушка Петр, тётя Фича с придурочным сыном Глитчером, дядя Ингвар с женой Бяшей и маленьким Симоном. И я – их дочь, сестра, внучка и племянница Анита. Кот Антуан сидел с нами за столом на собственном высоком стульчике.

Выйдя на пенсию, мама решила выбрать себе новое дело жизни. Мы пережили высадку десанта пальм в саду, коллекцию колокольчиков из разных стран, которые издавали неистовый перезвон днем и ночью. Недавно мама остановилась на готовке. Если раньше мы обедали свежедоставленной пиццей, то теперь маминым культом стала свежеприготовленная еда.

Мама огласила нам меню:

– Суп из цветной капусты, кольраби с сыром, бульон с фрикадельками, салат из свеклы и селедки, котлеты, смесь дикого и бурого риса, запечённая курица.

Застучали тарелки, зазвенели столовые приборы. Тетя Фича возмутилась:

– Соня, я же приносила фаршированные перцы. Их только разморозить надо было.

Мама улыбнулась одними губами:

– Дорогая, я парила и жарила весь день, еда – на любой вкус. Не нравится – разморозь и ешь.

– Папа, положить тебе капусты? – мамин глаз заметил пустое место на дедушкиной тарелке.

– Б-б-ез сы-ы-ра, – Дедушка Пётр после инсульта тянул слова, но от веганства не отказался.

– Соня, почему опять свёкла с селедкой? Родная, я не ем такое, – виновато сказал мой папа. – Можно мне в следующий раз салат с кукурузой?

Все разом замолчали и повернулись в его сторону. Папа ел свеклу с селедкой всегда и в любых количествах.

– Стефан, ты хорошо себя чувствуешь? Это твой любимый салат. – Мама призвала в свидетели нас с Уной.

Мы покивали. Папа выглядел расстроенным и немного испуганным.

– Ничего не понимаю. Я никогда не ел свеклу с селедкой. Мама, скажи им.

Лиззи, папина мама, стильная, высокая дама, махнула рукой:

– Стефан, не выдумывай. Всегда ел.

Наш мирный и спокойный папа Стефан залился бордовой краской и прокричал:

– Я никогда его не ел! Что с вами случилось!? На обеде в прошлое воскресенье вы смеялись надо мной, что я ем всё, кроме свеклы с селедкой!

Лиззи нахмурилась:

– Стефан, какой обед в прошлое воскресенье? Мы собрались первый раз с того момента, как Соня вышла на пенсию.

Мы с Уной переглянулись и удивленно пожали плечами.

– Бабушка, ты что-то путаешь. После обеда в то воскресенье мы с Анитой поехали на концерт. Вы еще платье ей выбирали больше часа, – сказала Уна.

Пришла моя очередь оторопеть.

– Уна, какой концерт? После прошлого обеда я доделывала дизайн кухни заказчиком, которые уперлись – давай им обои в цветочек. Точно помню, что эти цветочки никак не ложились в общий концепт.

Уна испуганно уставилась на меня и отодвинула тарелку.

Алиса Дербенёва

– Анита, что с тобой? Мы вместе поехали на концерт, ты ж сама хотела кавер на Бёрдсов послушать. – Она вытащила из кармана телефон. – У нас куча совместных селфи.

Я просмотрела фотографии и в глазах потемнело. Этого никогда не было! Были обои в цветочек!

Все, кроме семейства Ингвара, выглядели озабоченными и напуганными. Ингвар приобнял жену за плечи:

– Хорошо, что у нас всё тихо и спокойно, правда, дорогая?

Бяша повернулась к мужу, тряхнула головой в белёсых кудряшках и спросила:

– Кто ты?

Ингвар побледнел. Симон положил руку маме на плечо и спокойно сказал:

– Мама, все хорошо. Это папа.

Бяша улыбнулась и погладила Симона по щёчке:

– Спасибо, милый. Я уже вспомнила.

Все замолчали. Меня пробирала крупная дрожь. Только тётя Фича продолжала подкладывать своему странному сыночку еду на тарелку, бормоча, как можно жить в доме, где нет ни фаршированной рыбы, ни хотя бы фаршированных перцев.

Вдруг мама посмотрела на Фичу и спросила:

– Фича, дорогая, извини. Сегодня происходит что-то странное. Наверное, самое время спросить – кому из нас ты родня?

Тётя Фича задумчиво подергала бородавку на шее:

– Я прихожу с тех времен, когда была жива твоя мама, Альбина. Пожалуй, мы с ней родственники. Дядя Петр, помните?

Мама молчала, опустив глаза и сжав в руке вилку.

– С-о-о-ни-ну м-а-а-му зва-али К-к-а-а-трина. – Дедушка Петр сохранял спокойствие. – Кт-то ты?

Мама подняла глаза:

– Фича, что ты помнишь о своем детстве? Или о нашем?

Глитчер вытянул тётю Фичу из-за стола и потащил к дверям. Антуан бросился им под ноги. Раздался громкий «Мяу!», хлопнула входная дверь.

Ткань реальности порвалась окончательно. Что с нами случилось? Это моя семья или мы чужие люди? Оказывается, я произнесла эти вопросы вслух.

Симон слез с высокого стула, погладил Антуана, которого пнул странный Глитчер, выходя из дома, и сказал:

– Я разъясню.

Он расхаживал перед нами туда-сюда, заложив руки за спину. Его мечтой было стать детективом.

– Будем мыслить. Стефан не ест красный салат с рыбой. Может, Стефанов два? Один ест, один нет. Почему Стефанов стало два? Может, его обижали в детстве, и один Стефан спрятался за другим? Когда Стефана первого заставляли делать, что он не хотел, главным делался другой Стефан. Которому нравилось это делать.

Моя мама всплеснула руками и спросила:

– Симон, детка, откуда ты такое знаешь? Он говорит про множественные личности, я правильно понимаю?

– Взрослые видят всё плоско, как нарисованное на листике. Дети видят всё, как в шарике – во всех шторах. – Конфета во рту мешала ему говорить, но явно помогала думать.

– Симон, никто не обижал моего сына, это абсурд. – Лиззи поджала губы и пожалала плечами.

– Это ты! Ты его обижала, заставляла есть, что он не любит. Говорила неправду, он верил, а ты смеялась над ним, что никогда такого не было. Ты – газотёрла, ты злая! И сейчас сказала, что обеда не было. Нарочно, чтобы все нервничали! – Симон топнул ногой.

Уна задумчиво почесала голову:

– Бабушка, малой тебя в газлайтинге обвиняет. Папа, было такое?

Папа задумчиво накручивал на палец длинную ухоженную бороду.

– Подробностей не помню, но мамы рас-

сказы о том, как я родился и помешал ей сделать карьеру, вполне свежи в памяти.

Лиззи схватила свою сумку и пронеслась мимо нас к дверям, как обиженное торнадо.

Уна продолжила:

– Хоть ребенок нам мозги прочистит. Симон, что с Анитой случилось, почему она концерт не помнит?

– Я видел фильм, где тётя помнила то, чего не было. Называется... как «жабка». А это «обратная жабка» – Анита не помнит того, что было. Я мыслю так. Аниту на концерте что-то расстроило так сильно, что ей очень-очень захотелось, чтобы этого не было. Раз! И концерт исчез из ее реальности. Мама, я в туалет хочу.

У меня как пелена с глаз спала. Я снова услышала мерзкие слова: «Это та твоя девка с пятном на морде?» Мой бывший с новой пассией стояли у зеркал. Когда мы начинали встречаться, я комплексовала из-за родимого пятна на щеке. Он уверил меня, что это знак моей индивидуальности, которым нужно гордиться. Значит, он врал, врал мне все время, что мы были вместе. Глаза защипало.

– Жамевю. Это называется жамевю. Обратная от дежавю «жабка». – Папа сжал кулаки. – Бедная моя девочка.

Симон вбежал в комнату перед Бяшей и продолжил расследование:

– Мама иногда не узнает себя в зеркале. Нервничает. Потом узнаёт. Потом не узнаёт папу. Потом узнаёт. Она живёт будто в разных реальностях. Врачи мыслят, это болезнь. Я мыслю, что мама необыкновенная – она живет в разных местах. Ей трудно. В этой реальности она держится за меня. За кого она держится в другой, я не знаю. А она не рассказывает.

Моя мама присела перед Симоном:

– Дорогой, может, и про Фичу с Глитчером нам объяснишь? Они приходят к нам много лет. Но я не помню, как они пришли первый раз.

Симон задрал нос от важности и сказал:

– Наша реальность, как стеклянный шарик, как круглый аквариум. Если посмотреть через один шарик на другой, рыбки смешаются. И будут как будто вместе плавать. Фича с Глитчером – из одного шарика, мы, кроме мамы, из другого. Но для того, кто на нас смотрит, мы все вместе, как те рыбки. Жаль, что они ушли. Они не плохие, просто не отсюда.

Алиса Дербенёва

– Как я раньше не замечала их имена! – у Уны, нашей айтишницы, чуть очки с носа не свалились. – Тётя Фича – полезная ошибка системы. Помните, она тошнит только если нет чего-то фаршированного, видно, это ее личный баг. А так она добрая и с ней уютно. Глитчер, глитч – сбой, который вызывает странное поведение программы. Парень реально странный.

Мы зависли. Ингвар с Бяшей молча держались за руки, не сводя глаз с Симона, мама с папой сидели рядом с мной, видимо, не давая мне снова расстроится до обратной жабки, дедушка Пётр невозмутимо вылавливал из блюда кусочки цветной капусты.

– Симон, кто смотрит на нас через несколько стеклянных аквариумов? Кто наблюдатель? Бог? – Уна в каждом деле должна была поставить точку.

– Не помню. Я мыслю, каждый из человек живёт в своей реальности, они складываются, как цветные стёклышки в клай... календоскопе, и появляются новые. Дети это примечают. Дети умнее взрослых...

– Да-да, мы поняли, что дети круче. Согласна. Мы можем менять реальность по своему желанию?

Симон хитро прищурился и громко сказал:

– Да. Но без волшебной палочки ничего не получится! – Он отвернулся, подмигнув коту Антуану и прошептал себе под нос – У взрослых.

Обед закончился триумфом Симона. Папа жал ему руку, дедушка Пётр пытался накормить его кольраби. Мама отдала Бяше все конфеты из вазочек. Мы с Уной думали, как вернуть тётю Фичу с Глитчером в семью.

Только наша любимая кошка Антуанетта не принимала участия в этой суматохе. Она лежала на своем обычном месте и удовлетворенно урчала.

Алиса Дербенёва

БЕДНЫЙ-БЕДНЫЙ КЛЁН

Как здорово, что еще тепло! Уроки уже начались, но та-а-ак неторопливо. Учителя сами еще глядят в окно во время урока. Наверное, отпуск вспоминают. Мы на море ездим каждое лето. Моя подруга Мила - тоже. А Ленка с Виталькой никуда не ездят. Их баба Шура говорит, что нечего деньги тратить, можно и в саду отдохнуть прекрасно.

Мы живем в городе, но не в больших домах, а в маленьких, частных. У нас целый райончик таких домов. Поэтому у нас есть свои сады. У нас в саду есть яблони, груши, сливы, вишни. Есть кусты: крыжовник - кислый, а малина сладкая.

Я и моя подруга Мила дружим с моих шести лет, а с ее пяти. То есть уже четыре года - почти всю жизнь. Возле Милы живут Ленка со старшим братом Виталькой. Ленка меня младше на два года, а Виталька - старше на три года. Ленка хорошая, но плаксивая. Чуть что, бежит маме жаловаться. И бабе Шуре. Виталька умный, но злой. Говорят, его папа ремнем бьет, поэтому он такой злой. Мне как-то подножку поставил, я упала и ногу разбила в кровь. Но не пошла жаловаться. Виталька мне подорожник на ногу прилепил и посмотрел с уважением. У Милы тоже есть старший брат, он у нее всегда все самое вкусное отбирает. Напечет их бабушка маленьких пирожных - ох и объеденье! - он все сам сожрет и еще идет у бабушки просить, врет, как будто Мила еще хочет. Поэтому он толстый, а Мила худая.

После школы мы все обедаем и бежим на улицу гулять. Ну как все обедаем. С кем живут бабушки, те обедают. А у кого дома только родители, как у меня, хватают кусок хлеба, посыпают сахаром и чай пьют. Потому что родители всегда на работе. Зато суп не надо есть.

Над нами, девчонками с улицы, мальчишки могут и подшутить злобно, и стукнуть, но чужим в обиду никогда не дадут. Надо мной даже не смеются, хоть я толще, чем Ленка и Мила, зато очень быстро бегаю, умею дать сдачи и стоять на шухере. На нем надо стоять, когда Виталька с мальчишками по чужим дворам лазят, пробивают по сараям, где что интересное есть.

Все наши родители в одной школе учились, поэтому всё друг о друге знают. Моя мама вздыхает, когда я с Виталькой прихожу домой - ему иногда то гвоздик нужен, то мелочь попросит, говорит: «Какой трудный мальчик, но Юра, его папа, тоже простым не был».

Иногда после уроков к нам на улицу приходят Виталькины одноклассники. Младшим нельзя подходить, но нам с Милой можно. Во-первых, мы старше, во-вторых, не сдадим, если что. Виталька с одноклассниками курит в дальних кустах, чтоб родители не увидели, а я нюхаю дым и мне запах нравится.

А когда был дождь, Виталька палатку возле своих ворот сделал из дровяшек и ткани для рыбаков, и меня позвал с ним там посидеть. Учил

“ВИТАЛЬКА УМНЫЙ,
НО ЗЛОЙ.
ГОВОРЯТ, ЕГО ПАПА
РЕМНЕМ БЬЕТ,
ПОЭТОМУ ОН ТАКОЙ
ЗЛОЙ

Алиса Дербенёва

спички зажигать правильно. У меня получилось. А потом спросил, что я сейчас читаю. Я подумала, что про мушкетеров говорить уже стыдно, взрослая уже, поэтому рассказала про графа Монте-Кристо. Виталька слушал-слушал про графа, а потом сказал, что он сам бы еще сильнее, чем граф, отомстил. И еще отомстит. Я не стала спрашивать, кому и за что. Потому что не болтливая, как все девчонки. Мы сидели молча, зажигали спички и слушали дождь.

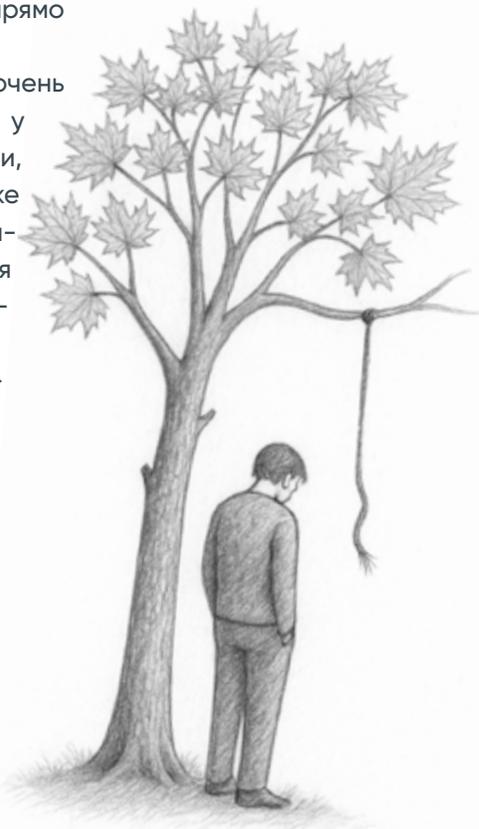
Как-то после школы Виталька пришел на улицу с мальчишками из класса. Они хохотали и вели мальчика на веревочке за связанные руки. Мальчика я знала по школе, у него странная фамилия – Райхельс. Все весело кричали – жид, жид, на веревочке бежит! Я не знала, что такое жид, но Райхельс улыбался и не обижался. Они остановились под большим кленом, что напротив тети Килины двора рос, и набросили веревку ему на шею. Откуда-то взялась табуретка, типа такой, что мальчики на трудах делают. Сперли из мастерской, точно. Райхельса поставили на табуретку, а длинный конец веревки перебросили через толстую ветку дерева. Виталька закричал: «Смотрите, жид повесился!» – и вышиб табуретку у него из-под ног. Всем нам было очень смешно – Райхельс висел, веревка его душила, как по-настоящему, он делал вид, что задыхается. Потом у него странно задвигались глаза, он стал серым. Я вдруг поняла, что это всё по правде, и бросилась со всех ног домой. Заперла калитку на ключ, чтоб только родители могли открыть, добежала до своей комнаты и с головой влезла под одеяло. Мне было страшно, что Райхельс умер прямо возле двора тети Килины, и все узнают, что я тоже там была.

Громко бухало сердце, мне становилось то очень холодно, то очень жарко. Мама после работы пощупала мне голову и сказала, что у меня температура под сорок. Я не ходила в школу почти две недели, температура прошла, но пришла какая-то странная слабость. Даже чашку с чаем не могла поднять. Сидеть со мной приезжала бабушка. Она предлагала пойти в парк гулять, там стало красиво, золотая осень. Но я не хотела в парк. Я все читала-читала про графа Монте-Кристо и вместо него видела Райхельса с петлей на шее.

Прошло больше месяца. Я пошла на улицу и встретила там Витальку. Он злобно посмотрел на меня сквозь свои чернящие ресницы, назвал труслом и выругался так, как мальчишки никогда при девочках не говорят. Вечером этого дня я спросила у мамы, что такое жид.

Я не плакала ни разу, заплакала лишь тогда, когда увидела, что кто-то срубил клен. Он же ни в чем не виноват! Это все я! Я виновата! Зачем его срубили?!

“ОНИ ХОХОТАЛИ
И ВЕЛИ МАЛЬЧИКА
НА ВЕРЕВОЧКЕ
ЗА СВЯЗАННЫЕ РУКИ

ЗАПИСКИ ВЫЖИВАЮЩЕЙ

Чтобы выжить, мы отдаем себя по кусочкам. Множество людей уже пусты изнутри. И я боюсь, что рано или поздно, я тоже стану такой. Поэтому и пишу эти заметки. (Ну и еще потому, что стоять в очереди целый день без дела, очень скучно.) Может быть наши дети вырастут и поймут – мы не виноваты в том, что произошло. У нас просто не было выбора.

Сегодня 140-й день магической оккупации.

Я проснулась от криков боли за стенкой. Видимо соседи решили воспользоваться китайскими аналогами батареек.

Проверила семейный заряд – 10 энов. Прикинула на что потратить – поднять по трубе воду для умывания, закипятить чайник. Непло_о, но на приготовление завтрака уже не _ватит. Штош.

Пошла голодная.

Очередь в обменник начиналась в соседнем со зданием поликлиники дворе. Люди стояли, опустив головы, медленно продвигались, перешептывались. Говорили, что теперь батарейки заряжают только на 50 энов на взрослого плюс 20 дополнительны_ на каждого ребенка. Это значит, что в очереди теперь придется стоять каждый день. Понятно почему народу столько.

Я стала подсчитывать наши с мужем нужды. Сотворить продукты – 20 энов, чуть осветить дом вечером – 10, приготовить ужин – 10, под_нять воды для мытья посуды – 5.

Алька Искрова

Израиль

Обменяться _отя бы парой мыслью с родителями и друзьями – еще 15. Завтра мужу еще нужны ежедневные 30 энов, чтобы позавтракать и телепортироваться на работу.

Так и живем.

Вообще, вспоминаю как мы встречали магов и радовались дополнительным возможностям! Как смеялись, творя радуги в небе и летая над городом в мыльны_ пузыря_, как блестели глаза детей, чьи игрушки и фантазии оживали...

Пока дополнительные возможности не стали единственными и очень ограниченными.

В первую неделю ничего не предвещало беды. Нам раздавали батарейки просто так, мол попробуйте чудеса на вкус!

А какие истории нам рассказывали. Мол мы спасем планету, ограничим потребление, перестанем сосать полезные ископаемые, оставим вырубку леса.

Первый звоночек прозвучал, когда отключили электричество. Он был почти не слышен. Понимаете, у нас тогда была куча магической силы. Мы могли сотворить свет и тепло самостоятельно. И мы согласились – зачем теперь эти глупые те_нологии.

Потом перестали производить продукты, отапливать дома, продавать газ и бензин.

Мы ведь легко могли творить еду из возду_а и телепортироваться в любое место.

А потом...

Потом нам показали страшные картины.

Мертвы_ и покалеченны_ магов, наши_ бла_годетелей, они пострадали за нас.

Оказалось, что у нашего злого мира жесткие законы, и за пользование магией нужно платить собой.

Добрые волшебники встали стеной на пути беды, они спасли нас. Но теперь батарейки не заряжали просто так.

Открыли многочисленные пункты обмена, причем почему-то большинство в поликлиника_. Сначала силу обменивали на всякие мело-

Алька Искрова

чи. Например – запа_ сирени, или букву _, или мятный вкус. Мы легко расставались с такими неважными кусочками свои_ жизней. Но потом энергии стали давать все меньше, а просить за нее все больше.

И главное, никогда не знаешь, насколько важной частью тебя является то, что ты отдаешь за возможность удовлетворения просты_ потребностей.

А потом начинаются фантомные боли.

Маги советуют отдавать в первую очередь критическое мышление и осознанность, тогда легче жить.

Наверное, легче... только ветер свистит по ночам из дыры в твоей груди. Говорят, когда-то она была размером с Бога... теперь она размером с человечество.

Пока я размышляла и подсчитывала, очередь продвигалась, и я оказалась рядом с поликлиникой. Впереди маячил первый рубеж – в_одные двери.

Я стала наблюдать за вы_одящими людьми. И_лица были странно по_ожи. В ни_ читалась ти_ая радость, даже какая-то воодушевленность, но при этом у многи_ по щекам катились слезы.

В очереди зашептались.

«Дают. Дают... Сегодня довесок дают...» – пронесли ти_ие голоса.

Странная новость. Раньше только брали. Вы_одит ситуация стала налаживаться что ли. Может быть нашли способ вернуть часть уже заплаченного?

Давно пора уже нашим правительствам вы_нуть голову из жопы. Если так каждый день отдавать, сойдем же на нет окончательно. А ведь мы им нужны. Кто работать будет, если мы закончимся?

Вам, наверное, странно, что в новы_ условия_ не отменили работу?

Ведь отменили же деньги совсем, зачем бы людям что-то делать, если деньги уже не нужны?

Мы тоже первое время не понимали.

Но общество нужно обслуживать.

Остались учителя, воспитатели, писатели, _удожники, дизайнеры... добавились профессии лекарей, шаманов, обменщиков... вакансий пси_ологов прибавилось на порядок.

Ну и всякие тяжелые черные работы по починке домов и улиц тоже никто не отменял. Ведь зачем тратить магию на то, что можно сделать руками?

Думаю, власть имущие просто поняли, что если людей не занимать работой, они будут слишком много думать.

В общем...

Работа теперь обязательная. То есть неработающим семьям энергию не дают совсем. И судят за тунеядство, да.

Некоторые конечно подались в деревни, на натуральное _озяйство, к истокам, так сказать. Отказались от использования магии. И_ пока не трогают особенно. Только детей отбирают.

Понятное дело, дети в таки_ условия_ жить не должны. Мало ли что эти пси_и им там внушать будут. Это же прямая дорога к деградации общества!

Так что детей у ни_ забирают конечно, а так особенно не трогают. Сами вымрут, зачем на ни_ силы тратить.

Ну вот я и вошла в заветные двери. Тут было даже немножко тепло, видимо энергию на обогрев брали из фонда обменника. _отя, говорят, в обменники свозят трупы и сжигают и_ в специальны_ котельны_. Не знаю... Столько фейков вокруг, не поймешь кому верить.

В _олле очередь извивалась длинной змеей. Понятное дело, в тепле приятней стоять, чем мартабрьской _олодрыге.

На стене напротив в_ода висело три объявления.

Одно уже обтрепанное и пожелтевшее:

«Обменный пункт – 4-й этаж, каб. 432»

И стрелка в направлении лестницы.

Второй, новый, по_оже сегодняшней, с курсом обмена и актуальной валютой.

Там перечислялись уже привычные вещи – смелость, совесть, сопереживание, доброта и знаменитые с первы_ дней осознанность и критическое мышление. Были и новинки: _аризма, дар убеждения и концепция свободы, желание перемен.

Внизу были перечеркнуты уже не актуальные для обмена штуки, такие как ожидание весны, надежда и вдо_новение.

Алька Искрова

Ну да, на мелочи мы уже не размениваемся. Третий плакат был неожиданным.

«В честь прошедши_ недавно религиозны_ праздников, каждый совершающий обменную операцию, сегодня получит подарок – смирение!»

Так вот о чем шептались в очереди. Ну что же. Смирение это неплю_о, может потом и его можно будет обменять. Или _оть оно останется нетро_нутым. Жили же деды и прадеды сотни лет с этим смирением и выжили, вот и мы справимся как-то.

Мы медленно продвигались по коридорам и лестницам. Очередь пронизывала каждый этаж насквозь пере_одя из левого крыла в правое, и обратно. Люди уставали, садились на традици_онные железные скамейки, дремали, периодически вскидываясь от стра_а пропустить свое место. Ноги мои уже основательно гудели, но садиться я не собиралась до последнего. На прошлой неделе я вот так проворонила свой черед и пришлось полночи отстоять с самого начала.

Но вот уже и четвертый этаж. Сегодня продвигались бодро, возможно я даже успею до_мой до темноты.

Над кабинетом в конце коридора привет_ственно и тепло светилась табличка «Магиче_ская сила». Вот передо мной осталось четыре человека, вот три, два, один.

Я вдо_нула, собираясь с мыслями и вошла в кабинет.

За бронированным и магически защищен_ным стеклом с табличкой «Не прикасаться – опасно» сидела миловидная ярко накрашен_ная блондинка. «Интересно, она магически изменяет лицо, или по старинке косметикой?» На ее бейджике было написано: «Старший кас_сир. Анфиса».

У меня слегка свело зубы от звучания имени, но я одернула себя. Мало ли кого как зовут.

– Здравствуйте, что обменивать будем?

Бордо и быстро проговорила девушка, глядя куда-то повер_ моей головы.

Я растерялась и стала ругать себя. Ну как так, столько в очереди стояла и не подумала, что отдавать буду. С другой стороны, а вдруг я придумаю качество, а окажется что у меня его и нет совсем?

– Проверьте, пожалуйста, что у меня оста_лось.

Анфиса разочарованно вздо_нула и протя_нула мне пробирку.

– Плюньте.

Я плюнула, вернула пробирку и замерла в ожидании. Стало страшно. А вдруг мне уже со_всем нечего отдать.

Девушка покопалась в пасти анализатора и достала расшифровку.

– Ммм. Допустим вот у вас сомнения сильные есть, по максимуму потянут. Может быть даже бонус выйдет.

– Ого! – обрадовалась я, – Конечно, давайте.

Я протянула руку. Анфиса отработанным дви_жением проткнула мне безымянный палец и вы_давила из него несколько капель крови. Приста_вила стеклянную трубку. Палец онемел и заныл. Девушка сдавливала его со все_ сторон, кровь всасывалась в трубку. Наконец, моя мучительни_ца удовлетворенно кивнула, капнула мне на па_лец странной бордовой слизью и вложила мне в ладонь новенькую одноразовую батарейку.

– Приложите к заряднику.

Она опустила мою кровь в трубку приемного аппарата. Зарядник запикал показывая поло_женные эны. У_–ты!

180!

В палец кольнуло, я осмотрела его со все_ сторон. Слизи уже не было. и ранка быстро за_тягивалась. Зачем была эта слизь? Наверное, так нужно.

– Спасибо, Анфиса. – пробормотала я, вы_одя из кабинета.

Я шла домой. Было про_ладно и ти_о.

Живем, думала я, э_ живем!

Энов _ватит до послезавтра, да и качества еще есть. Как-нибудь сдюжим всем миром. А там, правительство все наладит, тепло станет и птицы запоют.

Разве можно сомневаться?

Ева Хоффман
США

РЕТРИТ

Я хочу объяснить НАХУА почему я промолчал шесть дней кряду и как оказался в Верхней Алботе.

Вырвавшись из адского трафика на десятке, автобус шёл под 80. Временами мне казалось, что мы идём на взлёт. По расписанию – остановка в Joshua Tree совсем скоро. Оттуда еще минут двадцать. Я перебирал в телефоне тучи писем. Во входящих отыскал “Vipassana”/

Если вы без запинки знаете, куда падает ударение в слове vipassana – закройте это сейчас. К вашему иквонимити мне добавить нечего. Если же випассана у вас ассоциируется с V.I.P, имейте в виду – дальше вы читаете на свой страх и риск.

Ок, vipassana@mail.com, ткнул “Ответить”. С готовностью соглашался с заготовками ИИ, лишь бы быстрее. Сообщение ушло со звуком истребителя в бреющем полёте:

Dead all,

I’m running late. Doing my best to be at the center as fast as possible.

Kindest regards,

George

Перечитав, я закатил глаза так сильно, что у меня щёлкнуло в затылке. Но отменить отправку было уже невозможно. “С кем не бывает”, – успокаивал я себя.

На автостанции я перепрыгнул в такси. В золотящуюся на закате пустыню мы въехали на полном газу в среду, около половины шестого. Я опоздал всего на полчаса. Неплохо, с учётом того, какой путь мне пришлось проделать с понедельника.

Расплатившись с таксистом жёванными купюрами – спасибо братьям с Венис Бич, – перекинув через плечо рюкзак с горностаевым пледом, я направился к крепенькому одноэтажному зданию. Его жёлтые стены возвышались в аккурат в центре песчаного пустыря. Вокруг, то тут то там, торчали кряжистые кактусы, ссохшиеся кустарники, измученные лютым ветром, да обломки безмолвных камней.

Внутри жёлтого дома царило неожиданное для меня оживление. Я был уверен – с этого порога начнётся Великая Тишина. Но нет. Около семидесяти мужчин и женщин – участников ретрита молчания – активно передвигались по комнате и живо общались друг с другом.

Ева Хоффман

Мне предстояло пройти еще ряд формальностей. Пожилая дама с белой пушистой головой регистрировала прибывших. Каждому следовало подписать краткий, но жёсткий свод правил. В следующие десять дней:

- Не убивать живое.
- Не лгать.
- Не красть.
- Не употреблять одурманивающие вещества.
- Сохранять благородное молчание.

Сотовые телефоны и ключи от автомобилей надлежало сдать на хранение до конца курса. Инструкций по сдаче приборов ночного видения и устройств межгалактической связи дано не было. Стало быть правил я не нарушал.

Как-то незаметно отделилась от толпы длинная костистая женщина. Её распущенные с проседью волосы на прямой пробор висели вдоль лица как две полурастворенные портьеры. Меж них, словно в сумраке сцены, виднелся длинный тонкий нос.

- Очень приятно. Менеджер курса. Это вы отправили нам емейл час назад? - деликатно поинтересовалась она.

- Да, - ультра-лаконично ответил я.

Её тонкие губы растянулись в улыбке с примесью едва уловимого сочувствия. В тот же миг она увлекла меня за собой на улицу.

Позади жёлтого здания оказалось шесть крайне компактных жилых корпусов - три в мужской части, и три - в женской.

Торопливо переставляя худые ноги и рассекая носом воздух, менеджер больше походила на птеродактиля, чем на менеджера, или даже скорее на цаплю. Она подвела меня к двери жилья, в котором мне предстояло провести десять дней. Потупив клюв долу и шелестя гравием, она молча растворилась в вечернем сумраке.

Комнату мою вполне можно было бы назвать кельей. Впрочем, это был стандарт для всех. Из мебели в ней находились лишь односпальная кровать да тумба. Такая лаконичность мне что-то напомнила, и я решил зарисовать.

Я знаю, некоторые из вас сейчас воскликнут "Нечестно! Эта картина..." Ладно, скажу вам начистоту: на самом деле стульев в комнате не было. Душ, совмещенный с туалетом, был тоже выдержан в спартанском духе. К счастью, имелась розетка, и я тут же поставил свой Межгалактический Телепат-Сканер, а попросту МТС 3310, заряжаться.

Старый добрый 3310 - одна из самых удачных моделей в линейке подобного рода приборов, как показало время. Он не отягощен камерой, которая так бесит меня в 16-ой модели.

Ева Хоффман

Дизайн прост и удобен, корпус крепок, а батарея может работать без подзарядки неделями. Мой МТС потерял всего лишь процентов тридцать заряда при прохождении через плотные слои атмосферы. И еще за два дня, проведенных в обсерватории Гриффит и на Венис Бич, улетело около десяти процентов заряда.

Я отошёл к окну и поглядел на сканер со стороны. Надо было удостовериться, что он не привлекает к себе внимания. По правилам двери наши не запирались. Нам даже не выдали ключей от них. И хотя нас убедили в том, что никто кроме нас самих, в наши комнаты заходить не будет (разумеется, любой гостиничный сервис в кельях отсутствовал), всё-таки незапертая дверь оставляла пространство вариантов.

Мой старичок 3310 не отвечивал. Издалека он вполне мог сойти за электробритву "Харьков".

На тумбе лежал заламинированный распорядок дня. Он был также загадочен, как и суров.

4:00	Подъём
4:30 – 6:30	Медитация в зале или апартаментах
6:30 – 7:15	Завтрак
7:15 – 8:00	Отдых
8:00 – 9:00	Групповая медитация в зале
9:00 – 11:00	Возвращение в зал, затем медитация в зале или апартаментах на усмотрение учителя
11:00 – 11:45	Обед
11:45 – 13:00	Отдых и интервью с учителем (~ями) (Множественное число насторожило меня. Если с одним я еще мог бы справиться, то как быть если их налетит целый педсовет?)
13:00 – 14:30	Медитация в зале или апартаментах на усмотрение учителя
14:30 – 17:00	Групповая медитация в зале
17:00 – 17:30	Перерыв на чай
17:30 – 18:00	Отдых
18:00 – 19:00	Групповая медитация в зале
19:00 – 20:15	Вечерний дискурс (Ради бога, что такое дискурс? От меня всегда ускользал смысл этого слова)
20:15 – 21:00	Групповая медитация в зале
21:00	Отбой (свет д.б. погашен до 22:00)

День первый в медитационном лагере стартовал стремительно, как ракета, отбрасывая отработанные модули так, что свистело в ушах. Я начал медитировать часа в три утра, задолго до того, как прозвучал утренний гонг. Я строчил отчёт, время от времени смахивая капли солёного пота с прибора ночного видения. Очнулся лишь к 6:30, когда тело пронзил гул гонга. Звали на завтрак. Однако, на завтрак я не пошёл, поскольку запоздал с объяснительной запиской НАХУА как я потратил всё месячное довольствие за один заход в гипермаркет.

Ева Хоффман

Без четверти восемь я наконец покинул комнату. Предстоящая медитация с восьми до девяти была групповой, а стало быть явка обязательна. Быстрым шагом я дошёл до актового зала. Это заняло около минуты. Входить в зал следовало без обуви. Внутри уже сидели люди – мужчины отдельно, женщины отдельно, разделенные проходом. Каждый примостился на своей рогожке, которые были заранее разложены заботливой рукой менеджера. Подле рогожек лежали листки с напечатанными именами и фамилиями.

Я отыскал распечатку со словами “Джордж Тейлор” – я привык к этому имени и уже без задержки отзывался, когда меня окликали – сел и слегка приподнял брови вверх. Лицо человека в состоянии благостного ожидания.

Впрочем, ждать не пришлось. Ровно в восемь зал огласило нестройное пение из репродуктора. Мужчина пел между нот на чистом пали. В тексте сохранилось много Б, Г, Д и Т. Поющий однозначно наслаждался процессом. Музыкальную фразу он начинал подъездом, а заканчивал тихим гортанным вибрато, подобно тому как человек заканчивает широкий громкий зевок, или лев – коитус.

К счастью, испытание пением длилось недолго. Певун заговорил. На английском. Его густой индийский акцент был знаком каждому, кто хоть раз дозванивался в службу заботы о клиентах AT&T. Он повелел нам закрыть глаза и сосредоточить внимание на тонкой полоске кожи под ноздрями. Следовало замечать любые ощущения, возникающие там. Вы сами попробуйте. Что чувствуете? Я – ничего. Открою тайну для новичков: поначалу пытайтесь уловить хотя бы ток воздуха под носом. Уже неплохо. Получилось?

Интонации из репродуктора раскачивались кадиллом, тяжеловесным и масляным, словно он ведал нам древнюю мудрую сказку.

Я легонько разомкнул веки и стал разглядывать впереди сидящих. Лицом к нам, на невысоких деревянных табуретах сидели два ассистента учителя (видимо, самим учителем был голос из репродуктора) – у мужчин своя, у женщин своя. Наш сидел в позе лотоса, покрыв ноги домотканым полотнищем, слегка сгорбившись под тяжестью прожитых лет, и закрыв глаза. Кожа его была темна, а лицо не выражало ровным счётом Н-И-Ч-Е-Г-О. Ассистентом в женской части была грузная короткостриженная женщина с острыми голубыми глазами. На секунду, сквозь муар ресниц, мне показалось, что это вчерашняя регистраторша с белой пушистой головой. Но нет. Эта была гораздо более статной и величавой. Спереди её тело было покрыто мягким пледом, который ей удавалось ловко удерживать на своей выдающейся груди без помощи рук.

Студенты восседали на ковриках в шесть рядов в шахматном порядке. В зоне моей видимости сидел немолодой человек с окладистой русой бородой и симпатичной татуировкой – FUCK OFF 🐼 – на каждом пальце по букве. Слева от него – обжаренный на калифорнийском солнце юный бродяжка с тусклыми жёлтыми волосами, торчащими пучками соломы из-под вязаной бини. Справа – старик-афроамериканец, укутанный в казённый плед, кои в неограниченном количестве лежали утром в предбаннике при входе в зал. Он опустил голову на грудь и сосредоточенно дремал. Далее бритоголовый мужчина лет пятидесяти с отлично развитой мускулатурой.

Ева Хоффман

Прямо передо мной сидел компактный азиат с надписью Best Husband in the World на спине батника. Ещё один – его я видел лишь боковым зрением – мужчина с натруженной спиной и свежим ожогом под левым глазом. Более разнообразной компании я желать не мог.

Благородное молчание продлилось час, согласно расписанию. Статная женщина объявила со своего табурета десятиминутный перерыв.

После перерыва всё то же урчание из репродуктора велело нам продолжать наблюдение за ощущениями под носом. Я снова слегка разомкнул веки и принялся созерцать нашего ассистента в полнейшей тишине. Мне необходимо было понять, смогу ли я взять его в соратники для усовершенствования формулы счастья, и если да, то когда это лучше сделать. Очевидно, в первый день любые движения были преждевременны. Я должен внимательно изучить степень его просветленности.

Наконец, в одиннадцать пришло время обеда. Шведский стол на индийский манер имел своей целью поддерживать нас в полуголодном состоянии для скорейшего просветления: рис, нут, фасоль и всё! Соль, паприка, корица, черный и кайенский перец, кунжут, оливковое масло, тамари, тахини, шрирача, растительное молоко и кетчуп без глютена стояли на отдельном подносике.

Потоптавшись в молчаливой очереди около оцинкованного бака, я налил себе зелёного чаю и стал глядеть в окно. Выносить что-либо из столовой воспрещалось. Следующий приём пищи, если не считать перерыва на файв о'клок, ожидался лишь завтра в одиннадцать утра.

Каждый выживал как мог. Кто-то наваливал тарелку с горкой и возвращался за добавкой. Кто-то накладывал мало, но разжевывал усердно, предусмотрительно впав в медитативный транс. Бритоголовый качок проявил смекалку и изобрёл не существовавший доньше суп – нут в овсяном молоке, сдобренный шрирача. Жёсткий взгляд качка и хорошо читаемая готовность отстоять своё хуком слева наводили на мысль о его криминальном прошлом. К тому же на его футболке, в районе сердца, было мелко пропечатано ANGULIMALA, the Buddhist Prison Chaplaincy. Он перехватил мой изучающий взгляд. В глаза его – невиданного небесно-голубого цвета и холодные как сталь финского ножа – больно было смотреть дольше одного мгновения. Я снова уставился в окно.

На улице бушевал ветер. Электропровода натужно гудели, иногда коротя. Я понимал, что при такой погоде мой рапорт вряд ли пробьёт стратосферу.

После обеда и еще нескольких часов безмолвия, мы досиделись до дискурса. На стене, точно напротив меня, включился телевизор. Впервые мы увидели лицо певуна и доброго сказочника. Я тут же признал в нём индийского торговца снадобьями на Венис Бич. Вчера я купил у него семена ашваганды. Он и учитель – один человек?! Это было донельзя странным, так как в краткой биографии нашего учителя, висящей у входа в столовую, было сказано, что учитель умер в 2013 году. Однако, ошибки быть не могло: те же выразительные губы, располневшее лицо, пигментация вокруг глаз настолько плотная, что издали он походил на мудрую печальную панду...

Продолжение
читайте на сайте
igla.press

ЖИЗНЕНОВ

Антон Манаков

Литва

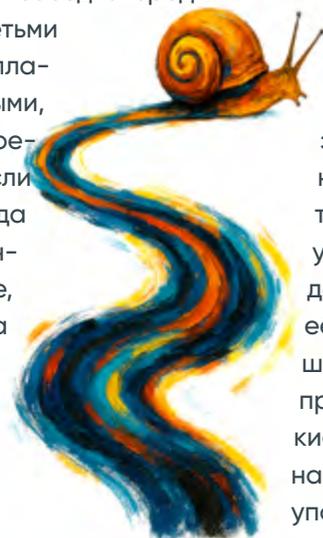

И
 Всё временно можно положить на полку и забыть, а потом снять, сдуть пыль и применить – как прежде. Каждому нужна такая загвоздка, Сольвейг и дом с оленьими рогами (был ли Ибсен рогат?).

Ещё одно соображение: от чего умирают улитки? Задыхаются ли они под тяжестью собственной раковины, или они сохранены от ужасов естественной смерти? Ответ уносит в своём клюве ворона или сорокопут-жулан.

Наде было под сорок, пгт-столичная обочина, полуизолированный детский мир, монументальный застывший быт. Романтические закаты над хлебзаводом ещё соблазняли на первых порах, полдома работало там, полдома – на мятно-гречишном поле: чистая и здоровая продукция, всё в город. Природа (лес, пруд, парк), о которой муж говаривал с мурлыканьем, что она – своя, родная, поочерёдно вяла, прела, всходила и хилела: тишь, здоровый славянский климат.

Потом пошло. Час до города и до работы (и час – на покупки), пытка пылесоса и швабры, домашний уют и новый, жгучий уют. Уют покупался недолгими, но значительными ссорами по воскресеньям и хлопающей дверью, после чего разыгрывались монологи в слезах (exit муж, enter любознательная соседка средних лет. Вида, сидевшая с детьми по будням за небольшую плату). Дети были единственными, но безмолвствующими адресатами этих излияний, росли тихими и смиренными, и, когда бури проходили, тихо и чинно гуляли по лужам во дворе, как маленькие дворянята (детский сад был, но там няни били детей и грешили нетрезвостью на рабочем месте, говаривали с криками, глубоко осведомлёнными улыбками).

Зато были птицы: сойки, дятлы, мелеты (по-русски тут не знали их имени, ведь читали только инструкции и иногда – американские бестселлеры), овсянки, вороны и воронята, разная городская мелкотня вроде синиц, но видели ли вы синицу хвостатую? Алекс, друг семейства, мужчина импозантный и с искрой предпринимателя, любил помять за плечи маляхольного Серёгу, который в домашних пластиковых литых тапочках на босу ногу и едва зашнурованных мягких штанишках выглядел как гимназистик; Алекс сидел с ним за одной партой, но в свои сорок пять уже имел внешность и повадки Шаляпина в соку, не хватало только хоть раз в жизни надеть шубу.

В общем, нравилась ему Надежда Сергеевна. Нравилась, конечно, неявно, не всегда, только по субботам (когда муж уезжал на рыбалку) или по тем будням, когда она не дежурила и обильно стряпала. Это не был роман, потому что в их быту романы были только американские и российские, только привозные, книжные или телевизионные, на деле же весь посёлок узнал бы тотчас, а сама Надя, протирая щёку мучнистой ладонью, себя не считала ни за красавицу, ни за имеющую потребность. А Александр Саныч, со своей стороны, имел и другие возможности, жену друга он уважал издалека. Игривости это не убавляло.

В этом посёлке всё было фантастическим, но было принято этого не замечать. Киоск был на другом конце, открывался и закрывался произвольно по чётным и нечётным дням и торговал пряниками и сигаретами, в том числе и для дошкольников. Почта удалялась из посёлка с каждым годом всё дальше, и в каждом году горела (переселили её из старого здания техникума сперва в бывшую начальную школу, ликвидированную по приезде нашей семьи Щ., потом вообще в какие-то бывшие конюшни, теперь же она была на первом этаже многоэтажки и собиралась упорхнуть в райцентр навсегда).

За детским садом был пустырь, полный борщевиков и крыжовника, а в мае там чудно пахло фиалкой. Воронята паслись на центральном лугу с умными лицами. По весне местные дети собирали и отдавали в одни руки виноградных улиток, которых потом куда-то перепродавали и съедали. Ели вообще всё: вот крапива, вот щавелевый суп – объеденье, да и только.

II

Валентин Сергеевич рос теперь уже вчуже, в столице, в общежитии. Нет, умным паренька не назовёшь, но с головой не пропадёт, как говорил друг семьи Алекс, когда танцевал на свадьбе Валиной сестры, дочери супругов Щ., с женой своего друга. Надя ликовала в перманенте, с отбеленными до отказа волосами. Фигура ещё сохранилась! Сергей Хилый во взятом на прокат костюме ходил невольником с опущенной головой, дочь выскочила внезапно и по природному сигналу (три месяца и две недели), но молодого человека любила. Позднее, когда все гости уже захмелели, Алекс продолжил разговор.

– Советую вам подумать, дети выросли и, что говорится, из гнёздышка. Вам надо и можно начать всё сначала. Есть способ, – вкрадчиво говорил он, но взгляд немолодой Нади со звёздочками от вина не говорил ничего, она лишь по-старинному поводила одним плечом, и тугой, красивой кистью руки поправляла на шее единственное своё ожерелье – кольцо, брелоки были похожи на маленькие серебряные гвоздики. Она была немолода. – И это поправимо, – решительно сказал Алексаньч, осушая бокал.

Новая жизнь... Но как бы она могла быть? У неё был сын, у неё были дети, у неё был внук. Это круг. Он говорил: нужно только её согласие – но что может переменить согласие? Не вернёшь. Парадокс. В новой жизни не будет ни дочери, ни сына, ни пгт, ни закатов над хлебзаводом. О таком даже думать греховно: она посмотрела на пустеющий стол, на ползущую по капоту машины улитку, на навёртывающуюся в небесах слякоть. Она молчала.

III

За десять лет от человека остаётся каркас или же вздувается пузырь прожитых лет, человек меняется не только внутри, но и в очертани-

ях, похож он остаётся только на самого себя.

Сын теперь жил далеко, и работал уже на другую семью. Для Нади (утратившей, после смерти мужа, веру во что-то, о чём она больше молчала), это была последняя возможность поговорить о ком-то красиво и возвышено, только вот с кем? Они всё отдали детям, дети всё и унесли. Так она говорила ещё захаживавшей Лиде. В Третьем Мире принято через детей искать пути к образованию, возрождению, вознесению. А дочь? Что – дочь? В ответ появлялась кривая осведомлённая улыбка, и тему разговора меняли.

Мать жила в посёлке и на маленькой даче (прощальном подношении Серёжи к их фарфоровой свадьбе), где просиживала вечера, попивая кое-что и подпирая ладонью с узковатым кольцом щеку, из одного окна виднелись туберозы и соседский рокарий, из другого – всё те же закаты над хлебзаводом.

После похорон мужа, у сельского кладбища её перехватил и подвёз Алекс, в пальто с роскошным рыжим воротником, в перчатках люкс, она была в чёрном полушубке, доставшемся от матери, в их приморском климате такой зимы не видали последние пятьдесят лет.

– Вы не надумали? – спросил он, как о вещи, вполне понятной и даже не требующей пояснений. При посторонних он был с ней на вы. Надежда обиделась. Она села в машину, на место смертника, вылезла у нужного подъезда, сухо попрощалась и не велела приходить. Сын на похороны опоздал, он через день сломя голову прилетел из Норвегии.

Но прошёл месяц, и вот Алекс стал заглядывать – сперва ненароком, а потом чуть ли не каждый день. Он раздулся за эти годы, у него появились не только перчатки и подбородки, но и повадки, связи, автомобили и шик. Он налился сладким соком благополучия. От него разило.

Наконец, Надежда настойчиво попросила его больше не приходить.

– Я настроен серьёзно. Понимаете, милая Надь Сергеевна, вы достойны начать снова. С нуля. Вы когда совершили в своей жизни роковой поступок?

СРОЧНЫЙ ПРИЗЫВ

Максим Лимонов

Россия

В классе раздался стук в дверь, когда на уроке математики Коля рисовал воздушных змеев в тетради. Он не любил этот предмет, и потому сразу начал скучать, стоило только переступить порог кабинета. Стук привлек внимание школьников, и после того как учитель разрешил войти, в дверной проём просунулась кучерявая голова дежурного и спросила:

– Это девятый «Б»? Коля Жуков на месте?

Когда был дан утвердительный ответ, и одноклассники покосились на Колю, пытаюсь понять по его смущенному выражению лица, что же тот натворил, дежурный сказал:

– Пусть зайдет на этой перемене в медпункт.

Выполнив свой долг, голова без подробного разъяснения причин, по которым девятикласснику стоило посетить школьного врача, исчезла в проеме. Всеобщий интерес к Колиной фигуре вмиг погас, так как тот не оправдал их ожиданий быть за что-то наказанным. Самому же Коле не оставалось ничего, кроме как дожидаться окончания урока, и с легкой тревогой в сердце направиться в медпункт.

В кабинете школьного врача было светло, так как большие окна пришлось на солнечную сторону здания. Синяя краска на стенах, по которым были развешаны советские плакаты-памятки о здоровье, выгорела и приобрела оттенки голубого. Это место ассоциировалось у школьника с чем-то неприятным: к примеру, там делали прививки, которых Коля боялся и потому каждый год находил предлог их избегать. В этот раз, похоже, ни о чем таком речь не шла, и успокаивающий голос новой медсестры подействовал на девятиклассника медитативным образом:

– Встань, пожалуйста, вот к тому прибору, мне нужно для начала измерить твой рост и вес.

Коля повиновался, выпрямив спину и прижав пятки к стене, он встал на весы и уткнулся макушкой в измерительную планку.

– Что там? – спросила женщина средних лет, приподняв очки, сползшие на нос.

– Вес – шестьдесят восемь килограмм, рост – метр семьдесят пять, – ответил школьник, после чего медсестра что-то записала у себя в журнал. – Скажите, а для чего вы меня измеряете?

– Да пустяки. Позвонили из военкомата – сказали, что ты завтра должен явиться к ним на комиссию.

– Так нас месяц назад уже водил туда ОБЖшник, я все прошел и приписное получил. Зачем я им опять понадобился?

– Они мне не объяснили.

– И что теперь делать?

– Вот тебе справка, приходи завтра в девять утра с ней в военкомат. От уроков тебя я освободила, – ответила медсестра, протянув Коле пожелтевшую бумагу.

Мельком взглянув на нее, парень понял, что даже при желании, коим он себя не утруждал, в ней ничего нельзя разобрать из-за врачебного почерка. Не зная, радоваться ли, что появился повод прогулять школу, или нервничать по поводу завтрашнего визита, Коля поблагодарил медсестру и удалился из медпункта.

На следующее утро, встав на час позже обычного, Коля почистил зубы, смочил розоватое лицо, на котором намечались первые следы щетины, и поправил чуб, который он обычно укладывал на левую сторону. Громкое чириканье птиц, поселившихся в крыше дома, где жил школьник, немного действовало ему на нервы, обостряя волнение перед повторной комиссией. Коля, проглотив наспех приготовленный матерью завтрак, надел мешковатые джинсы и бомбер. На мамин вопрос, скоро ли он вернется, ответил, что скоро.

Благо, идти было недалеко: здание военкомата располагалось на соседней улице. Теплое апрельское солнце слегка обжигало щеки и слепило глаза. Коля пересек пешеходный переход, прошел несколько сотен метров и оказался перед массивным сооружением из темного камня, окруженным забором с острыми пиками. Орнамент здания состоял из пятиконечных золотых звезд, символизирующих победоносную силу армии. Войдя внутрь, Коля вновь обнаружил, что узкие коридоры и потрескавшаяся краска на дверях кабинетов плохо соотносятся с внешним видом военкомата. Тут было тесно: расстояние от одной стены до другой составляло не больше метра, и потому сновавшим туда-сюда людям с кипами бумаг приходилось буквально протискиваться через друг друга.

Школьник знал, что перед осмотром нужно зайти в канцелярию, чтобы доложить о своем приходе и дождаться, пока его личное дело направят к первому врачу. Он попал в нужный кабинет и сообщил о себе местным чиновникам, которые поначалу даже не заметили Колю.

— Ожидай в коридоре, — механически ответила одна из них сквозь отверстие в стекле размером с мышиную нору, которое отделяло чиновниц от Коли.

Около часа парень провел, сидя возле кабинета на деревянной лавке, пока не решился, наконец, узнать у проходившего мимо врача, не настала ли его очередь.

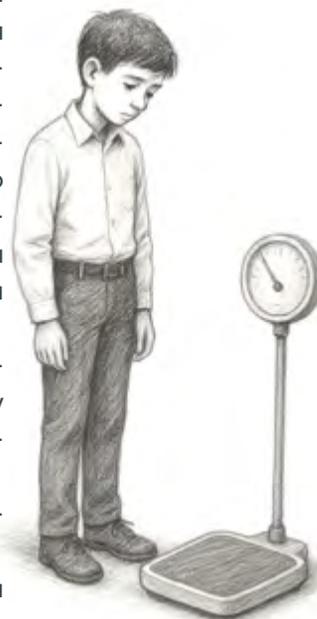
— Жуков? — глянув на фамилию в личном деле, которое держал в руках, обернулся тот. — Пойдем за мной.

Это был коренастый человечек с плешью на голове и в медицинском халате. Он повел Колю в конец коридора, где располагался кабинет терапевта. Перед входом доктор попросил парня раздеться до трусов и разуться, а одежду оставить на лавке. В кабинете всю мебель составляли письменный стол, покрытая чем-то похожим на кожу кушетка и прибор для измерения веса и роста, точно такой же, как в школьном медпункте. Коля положил справку на стол терапевта, но тот, брезгливо скорчившись, отодвинул ее от себя подальше и сказал:

— Подойди к прибору и измерь свой рост.

— Я вчера уже мерил его в медпункте. Мой рост — метр семьдесят пять, вес — шестьдесят восемь килограмм, — заметил Коля.

— Этого недостаточно, измерь еще раз, — настоял плешивый доктор.

С некоторой раздраженностью, парень, тем не менее, выполнил то, что от него требовали. К своему удивлению, он обнаружил, что потолстел за день на десять кило и вырос на восемь сантиметров. Разницу в весе Коля еще мог объяснить себе сломанными весами, но вот рост... Как бы то ни было, он сообщил новые данные терапевту, после чего тот что-то записал в личном деле. Не отрываясь от документа, врач спросил:

- Жалобы на здоровье имеются?
- Ну, голова иногда болит.
- Так, так, так...
- Еще плоскостопие беспокоит.
- Ясненько.
- И с гастритом лежал в седьмом классе.
- Понятно, – все еще не поднимая глаз на Колю, сказал доктор.

Когда он закончил писать, Коле было сказано повернуться боком и вытянуть перед собой руки. Затем – присесть. Затем – встать. После проделанной процедуры терапевт резюмировал:

- Годен.
- Как... годен? – побледнел Коля.
- Как все, – коротко и ясно отчеканил доктор.
- Мне разве не следует пройти остальных врачей?
- Вот еще чего, глупости какие! Зачем же их отрывать от более важных дел?
- Я думал, это их работа.

– Вообще нет. Их работа заключается в том, чтобы заполнять документацию, которую направляю я. Осматривать военнообязанных – исключительно моя задача. Теперь что касается тебя. Твоя обязанность – завтра в это же время явиться сюда же с собранными вещами. Форму и прочее покупать не нужно – выдают на месте.

– Это еще зачем?

– Что за вопросы, разве не понятно? Ты подлежишь срочному весеннему призыву.

– Тут, должно быть, ошибка. Я ведь еще в школе учусь, меня нельзя призывать.

– В нашем ведомстве не бывает ошибок. Школьник, говоришь? Знаешь сколько у меня тут таких школьников?

– Но я правда еще не окончил девятый класс.

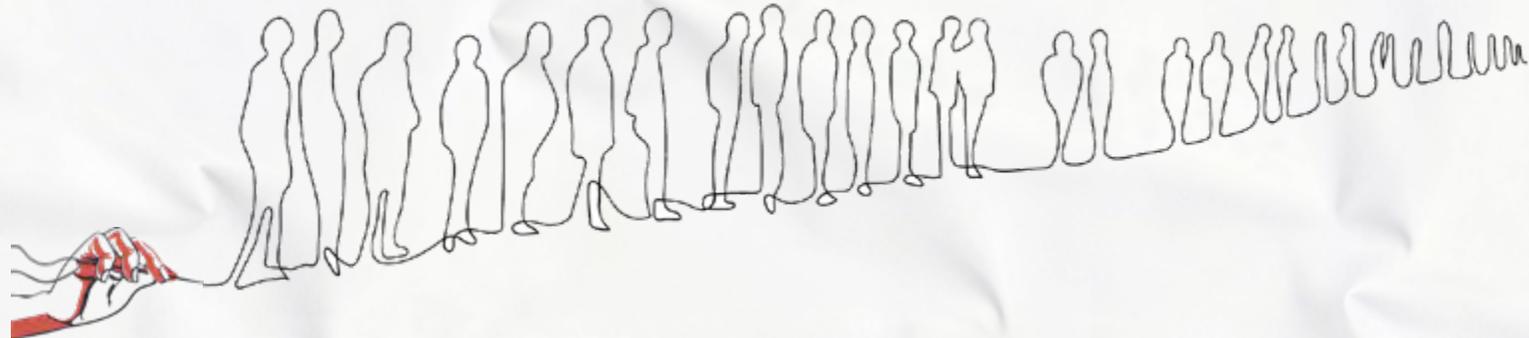
– Ах ты, щенок, уклоняться вздумал?! Знаешь, сколько тут таких дебилов, как ты, хотят откосить?! Сотни и тысячи! И я с вами вынужден возиться. По-хорошему же стараюсь. Нет, хрен там, все равно вывел! Убирайся отсюда и не попадайся мне до завтра на глаза.

Испуганный резкой переменой врача в тоне, Коля выбежал из кабинета, схватил свои вещи и, спотыкаясь, натягивая их на ходу, покинул военкомат.

Продолжение
читайте на сайте
igla.press

ЗОНА ТВОРЧЕСТВА

Дорогие друзья!

Перед вами новая рубрика «Иглы» – «Зона Творчества». Её авторы – поэты, прозаики и художники – отличаются от других тем, что все они являются политическими заключёнными (ПЗК), творящими в неволе – в Зоне. Это люди, обвинённые по статьям о «фейках об армии», участии в «нежелательных организациях», «экстремизме»...

В заключении для многих из них творчество стало спасательным кругом – способом выстоять и не потерять себя. Мы вышли на них почти случайно: двое из наших авторов познакомились с группой волонтеров, которые поддерживают ПЗК письмами с воли (см. статью «Волонтеры поддержки» в предыдущем выпуске). Когда из этих писем мы узнали, что некоторые заключённые мечтают опубликовать свои произведения, мы с радостью предложили им страницы нашей «Иглы». Все произведения, присланные из заключения, проходят тот же «входной контроль качества», что и любые другие материалы. Но при этом мы не можем не помнить, откуда они пришли. Мы не забываем, что рисовать и писать там можно только карандашом, на тюремной бумаге в линейку, зная, что каждое слово и каждый рисунок будут тщательно проверены тюремной цензурой.

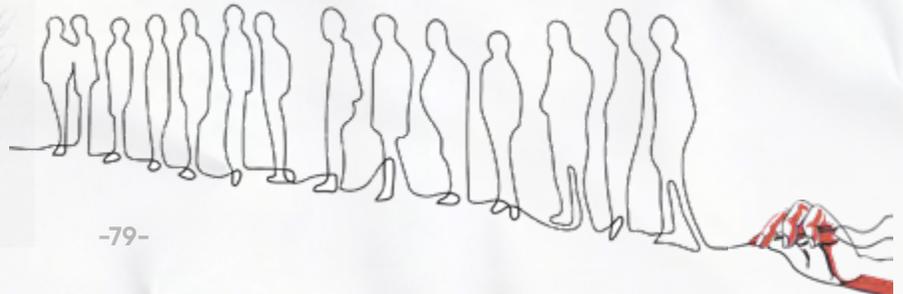
Мы уверены: наши усилия окупаются сторицей. И не только потому, что это поддерживает поэтов и художников, оказавшихся в колониях и тюрьмах за свои убеждения. Главное – нам удалось представить широкой публике настоящие таланты, дать им возможность быть услышанными и увиденными.

Расставанья и встречи,
Мы с тобой как планеты
По орбитам летаем.
Целый век длится день.
И похвастаться нечем,
Я ведь знаю секреты.
Между адом и раем
Пролегла наша тень.
У меня нет орбиты,
Я как облако газа,
Я такая зараза -
Проникаю в умы.
Мы наверно забыты,
Мы достигли экстаза,
Мы хотим всё и сразу -
Обезумели мы.
Расставанья и встречи,
Сладкий миг притяженья,
Сто веков ожидания
До парада планет.
Время вовсе не лечит.
Это всё искажение.
Это дно мироздания
И тебя рядом нет...

Проходит жизнь как странный сериал,
Бессонными ночами дни сменяя.
А я хотела б, чтоб меня ты обнимал,
И чтоб история была совсем другая.
А я б хотела пламенный восход
Средь гор увидеть, а не небо в клетку.
Но, б**, война. Совсем другой подход.
Ну что же, план иной на пятилетку.
Но, б**, война. И ночью я молюсь.
А ты? Ты как? Ты скажешь - всё в порядке?
Я умереть в темнице не боюсь,
А ты останешься со мной в моей тетрадке.
Ты знаешь, нам не миновать могил,
Чуть раньше, позже - небесам не важно.
А мне б твой поцелуй. И хватит сил.
И хватит сил продолжить путь отважно.

Нет, я не исключение,
Обычное явление,
Ни первая, ни крайняя,
Справляюсь как могу.
Ни правая, ни левая
Живу как королева я
И что могу - то делаю,
И сердце берегу.
Рассыпаны фонтанами
Зенитки между странами,
А я такая странная -
Я не хочу войны.
Я просто человеческая,
Жаль, время скоротечное,
Война - она не вечная,
Дожить бы до весны...

Анна Александрова

“ А Я ХОЧУ ЗАЧЕРКНУТЬ ЭТО СЛОВО,
ВОЙНА – ЭТО ПУТЬ В НИКУДА.

В начале всего было слово,
И слово будет в конце.
Здесь нет ничего такого,
Я не вижу слёз на лице.

Я не вижу слёз радости, не вижу слёз горя.
Я вообще не читаю эмоций на лицах.
Только надпись из трёх букв на заборе,
Но думаю о белых красивых птицах.

Я думаю о ростке на камне,
Я думаю о начале Пути.
Какое в начале было слово?
Как нам его найти?

Какое слово теперь созидает,
А чаще рушит миры?
Это слово теперь и ребёнок знает
Из известной онлайн игры.

А я хочу зачеркнуть это слово,
война – это путь в никуда.
И в этом нет ничего плохого –
Я говорю – Миру – да!

Я вообще не читаю эмоций на лицах,
Я слышу слова, но они не те.
Разбегаются мысли на рваных страницах,
Как круги на воде.

Помоги, Создатель, помоги же людям,
Помоги пережить это горе.
Мы так хотим верить и верить будем!
Напиши слово Мир на заборе.

Я железный солдат,
Я танцую с тобой возле моря на пляже.
Хоть ты где-то в бараче,
А я – в этой вонючей тюрьме.
Нет свободы телам,
Но и душам не выбраться в раже
Этой драки извечной людской
Меж собой на земле.

Ищут солнце глаза,
Нет солнца, оно закатилось.
Его видят лишь рыбы и птицы,
А мы...
Мы злодеям и дьяволам
Отданы и не на милость.
Мы попали сегодня
Во власть разгулявшейся тьмы.

Я тебя обниму,
Хоть не гнется ладонь из металла,
Но нагрета она уходящею в море зарёй.
В ней хранится луч солнца закатного.
Этого мало?
Подожди, мы ещё встретим солнце,
Дружочек, с тобой.

Анна Александрова

“Я умываю руки”, – сказал судья и сбежал,
Я вижу страдания и муки, вы ими заполнили зал.
И я не боюсь эту гидру, нелеп и смешон прокурор.
Я ж выйду, чуть раньше, чуть позже, но выйду
За этот стрёмный забор.

Приговор стыдливо прячется под бумаги,
Словам неудобно, они готовы сбежать.
Жаль, что им не хватает отваги,
Приходится молча под стопкой лежать.

Слова хотели сложиться совсем по-другому,
Но их собирали всю ночь прокурор и судья.
А я здесь, в камерке, тоскую по милому дому,
Но знаю, что тоже нужна вам, родные друзья.

Как буквы сложить, чтоб слова получились другие?
Чтоб вышли другие стихи или просто рассказ
Про вас, про хороших людей, мои дорогие.
Про мир, про любовь, про всех, родимые, нас.

СЛОВА ХОТЕЛИ СЛОЖИТЬСЯ
СОВСЕМ ПО-ДРУГОМУ,
НО ИХ СОБИРАЛИ ВСЮ НОЧЬ
ПРОКУРОР И СУДЬЯ.

Что-то болит под ребром в организме,
Может быть печень, а может душа.
Я родилась вроде как в коммунизме
Но не имела тогда ни шиша.

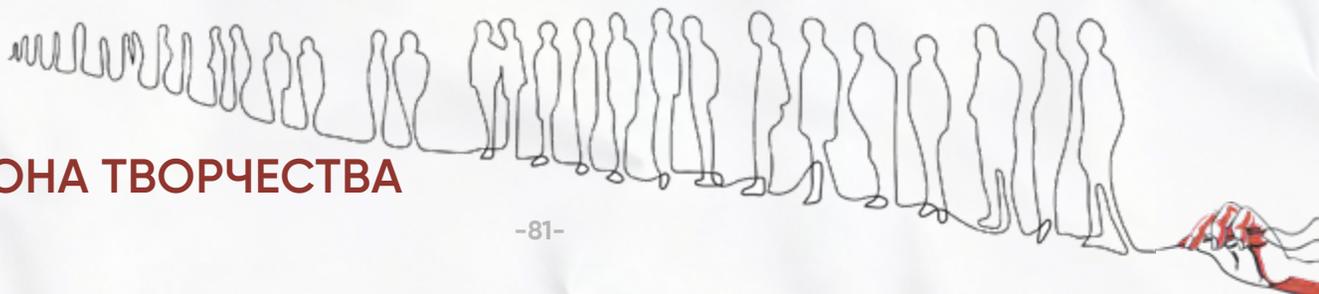
Я не имела квартир и левайсов,
Но я стремилась и рвалась вперёд.
Детство моё прожито без девайсов,
Бегали мы по дворам круглый год.

Годы прошли, и ведь лучше не стало,
Что-то всё так же болит под ребром,
Времени, денег – всего стало мало,
Жизни не стало, хоть мы и живём.

Есть унижение, боль и отравы,
Есть геноцид и садистов толпа.
Мы маршируем все слева направо,
Хоть и убийственна эта тропа.

Нету по-прежнему хат и левайсов,
Нету теперь ни надежды, ни сна.
Есть только горечь и пара девайсов,
Да безобразная это война.

ЗОНА ТВОРЧЕСТВА

ЗОНА ТВОРЧЕСТВА

Анна Александрова

Посреди огромного мира родившись,
Я вдруг сделал глаза удивлённые,
Осознал я, что все в мире делится
На разрешённое и запрещённое.

Вот, например, книжки.
Читают их взрослые и детишки,
И вдруг какой-то старый чудак (на букву м)
Решает, что в книжке всё не так.

И вот собираются чудачки в комиссии,
Заседать, пока геморрой в ремиссии,
Книжку они даже не читают,
Но, на всякий случай, её запрещают.

Запрещают травы, вот дела!
Для запрета, видно, их природа родила,
Чтоб от смерти человечество спасти,
Нужно явно запретить им всем расти!
Макам, кактусам и прочей конопле
Запрещается вообще жить на Земле!

Теперь и одуванчик стал идейный враг -
Своим инакомыслием заполнил весь овраг

Но коль не получается травинки истребить,
То требуют пушистые цветочки запретить!
Вот ещё что вызывает удивление -
Запретить хотят природные явления!
Знаем мы, что радуга летом
Теперь тоже под запретом!

Множество запретов в мире этом,
Одни лишь доносы - не под запретом,
Приветствуются бредни старых патриархов,
И сдохнуть разрешается за бабки олигархов.

А я вот надумал идею одну:
А может пора запретить войну?
А может пора запретить бюрократов?
И вместе с ними старых маразматов?

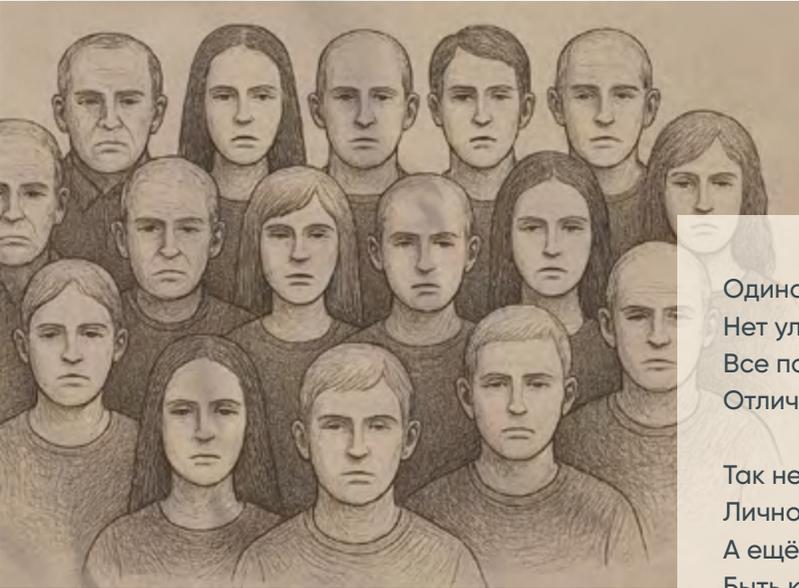
И молодых маразматов тоже
Нужно бы запретить позже.
А ещё запретить спецслужбы
И разрешить все виды дружбы.

И пусть всё будет разрешено,
Только убийство запретить одно!

ПЗК С.

Одинаковые лица – ровный и землистый цвет,
Нет улыбок, выражения, никаких эмоций нет,
Все похожи друг на друга хотя разных возрастов,
Отличить, найти кого-то вряд ли я в толпе готов.

Так неволя всех шлифует, всех попавших в оборот,
Личность делает стандартной, личность не берёт в расчёт,
А ещё есть наблюдение: ясно, и не только мне,
Быть как все инстинктом стало и, по-моему, везде.

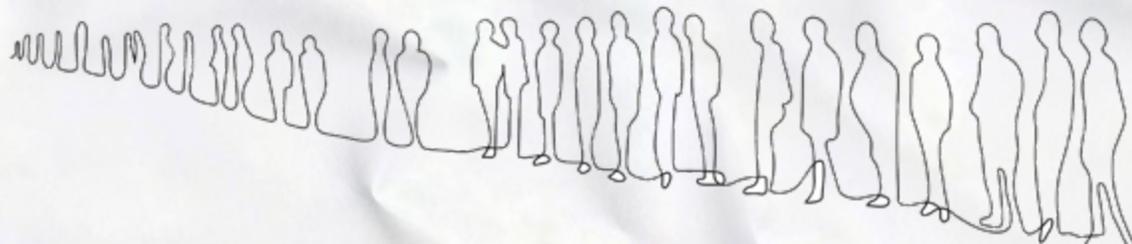
Даже вольный свежий ветер не влияет – неспроста –
Блокировка чувств, эмоций будет, видно, до конца.
До конца чего не знаю. Я живу и созерцаю,
И при этом сам пока не меняю цвет лица.

*Впечатления от изображения трёх грибов в лесу
на присланной открытке*

Свежесть леса, влажность мха, пенье птиц, дубравы шелест,
А на страже сего рая – три гриба. Какая прелесть!
Кто-то видит к рациону в них добавку, угощение,
Ну а я – свободы символ, вольной чащи обрамление.

Я ещё пока не гриб, я лишь спора, я в грибнице,
Здесь нет солнца, нет свободы, ведь на то она темница,
Но ход времени я слышу, пробивает стены свет,
Заполняет мою душу райской музыки рассвет.

Опьяняющая свежесть вод весеннего дождя
Вместе с тихой песней ветра в новый мир несут меня.
В мир, наполненный свободой, где заборы чепуха,
Но, уверен, буду помнить три грибочка среди мха.

Человек

Пусть кто-то жаждет чуда снова,
Согнав массовку для кино...
Чудес мы не получим больше,
Чем это было нам дано.

Пусть кто-то силится исторгнуть
То, что внутри него кипит,
Но лучше ты стремись наполнить
Себя извне - что жизнь дарит.

Пусть кто-то быть записан хочет
В учебник-книгу, но держись!
Со знаком плюс и в контур точно
Ты в жизнь чудесную впишись.

Репрессий создаёт машину
Какой на счёт безумный век?
Но не сомнётся его, как глину,
Не глина он, он - человек!

Как много горьких заблуждений,
В которых утопаем мы...
Среди невзгод, среди гонений
Найди частичку доброты!

Нам не найти из круга выход
Лишь только разумом своим,
Чтоб вырваться из тёмной бездны,
Луч доброты необходим.

Подумай странник: кто твой ближний?
И чем кичится человек?
Подобно туче, дождь пролившей,
Пройдёт и твой короткий век.

Чему ты отдал жизни силы?
Кого ты к жизни пробудил?
Исторгни друга из могилы,
Чтоб тот кого-то вдохновил!

Мы жаждем полных сил свершений,
Но только будет нам дано,
Проси хоть у небес знамений,
Что будет другу отдано.

Должно быть, в том твоё величие,
Чудесный жизни механизм:
Верни себе своё обличье!
Ты - человек! А чудо - жизнь!

СРЕДИ НЕВЗГОД, СРЕДИ ГОНЕНИЙ
НАЙДИ ЧАСТИЧКУ ДОБРОТЫ!

Представим

Представим мир без бедных,
Представим мир без войн...
Не мы ли во всём этом
Преуспеваем столь?

Лишь о себе мечтаем,
Заботясь о своём,
Беспечно допускаем
Мы зло в наш общий дом.

Когда мы любим славу,
Шумиху и успех
Поболее, чем ближних,
То входит в сердце грех.

Мы разжигаем алчность -
Пожар в самих себе,
И вот такие страсти
Уже в твоей стране.

Мы совесть заставляем
Порою замолчать,
И вот уже нас просят
Свой рот не раскрывать.

Пред силой и деньгами
Идём на компромисс,
И вот уже диктатор
Разыгрывает приз.

Представим мир без бедных,
Представим мир без войн,
Представь себе, что общий
Царит для всех закон.

Творцом он установлен -
Ему ты подчинись,
Живи для своих ближних -
И в этом будет жизнь!

«Непобедимая хрупкость»

УГОЛОЧЕК

ДЛЯ ДЕТЕЙ И РОДИТЕЛЕЙ

Карина Исакаева

ДРАМА В ОБЛАКАХ

Разговор с внуками

Жизнь июньская жарка

Гонит ветер облака.

- Слезьте дети вы с окошка,

Отдохните хоть немножко.

- Ба! Смотри – вот тучка Кот,

Тучка-замок, у ворот,

Дракон-облако лежит

И Принцессу сторожит.

- Хорошо, Принцессу нашу

Сторожат, слезь, кушай кашу.

- Ба! сама тут посиди,

За Драконом последи.

- Можно попросить Кота.

- Помощь от Кота не та,

Гляди, не может слушать:

Растаяли все уши.

- Смотри, Кот тает на глазах

Нас за Принцессу мучит страх,

Не справится он зыбкой

Чеширскою улыбкой.

- Думаешь, просит он помощи нашей?

- Бабушка! брось эти мысли о каше!

Двум юным пиратам нет дела до забот

Когда на небе драма, и всё о ней поёт.

На помощь флот идёт покуда

Сработанный из полок и дверей

Оторванных от шкафа. Это чудо

Спешит спасти Принцессу поскорей

- Какая каша, бабушка? Ни-ни

- Устала я от вашей беготни.

(Какая всё же это благодать

Двух сорванцов из странствий с кашей ждать)

На окошке дети скачут

Как бы мне решить задачу:

Как признаться детям мне

Что совсем иное вижу

я на этом полотне...

Дети, дети, вы просили рассказать вам почему-

Общежитие скелетов скрыто в маминном шкафу.

Знайте, дети, что скелетам в летний день и стужу

Очень страшно даже череп высунуть наружу.

Все они боятся монстров, толстых, злых и гадких,

Что коварно притаились вон под той кроватькой.

Стойте дети, не спешите тыкать туда швабрами

Монстры эти оказались не такими храбрыми.

Помните, играли вы в индейцев и ковбоев

И вигвам построили из сорванных обоев?

Вам нужна была трава для пампасных далей

И тогда вы налысо монстров ободрали.

Вы, конечно, не хотели быть настолько грубыми,

Просто перепутали их с маминными шубами.

План пампасов был прекрасен, только той щетины

На пампасы не хватило ровно половины.

Монстры быстро оценили эти перспективы

И сбежали, фиг с ней, с шерстью, были б только живы.

Георгий Ефремов

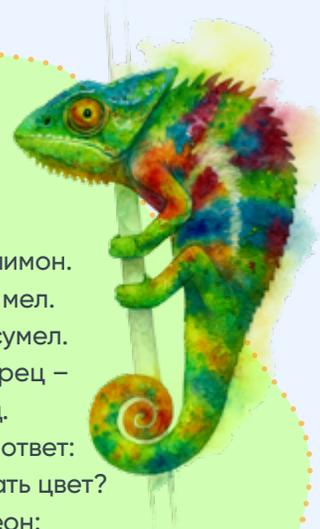
Я НЕ ВИНОВАТА

Кто устроил кавардак?
 – Тут всё время было так!
 Кто в маслёнку спрятал мыло?
 – Я не знаю, так и было!
 Кто под стол засунул стул?
 – Сам залез и там уснул!
 Кто зашил карман халата?
 – Я ни в чём не виновата!
 Ну а кто же виноват?
 – Виноват... Секретный брат!
 В понедельник или в среду
 Он приходит по секрету:
 Чашки бьёт, газеты рвёт,
 Всё засовывает в рот.
 И уходит по секрету,
 Забирается в карету,
 Говорит: «Пора! Пора!
 Уезжаю со двора!»
 И девается куда-то...
 Ну, а я не виновата!

ХАМЕЛЕОН

Сегодня он
 Какой-то жёлтый, как лимон.
 Позавчера он бел, как мел.
 Вчера лиловым стать сумел.
 А летом он – такой хитрец –
 Зелёный, точно огурец.
 Он просит подсказать ответ:
 Какой на завтра выбрать цвет?
 Ах, бедный мой хамелеон:
 Окрасок – целый миллион!

ЧТО ТАКОЕ ПРОМОКАШКА

Промокашка –
 Это такая бумажка,
 Которой разные плаксы
 Промокали случайные кляксы.
 А клякса – это такое пятно.
 Оно
 Получается, если чернильная капля
 Падает на страничку. Ап-ля!
 Очень мило!
 А что такое чернила?
 Это краска такая, кажется.
 Она поначалу мажется,
 А когда высыхает – уже не стирается!
 И грязнуля напрасно старается.
 Чернила бывают разные –
 Фиолетовые, синие, красные.
 И промокашки были розовые, голубые –
 Любые!

ЧЕРНАЯ ПЯТНИЦА

Ветренный вечер. Солнце зашло.
 Небо Луну золотую зажгло.
 Чёрная птица шуршит крылом.
 Просится в дом!
 Дверь отворю и сиротку впущу,
 Хлебом и чаем её угощу,
 Пледом укутаю, спать уложу,
 Сказку любимую ей расскажу.
 Пусть ей приснится большая Луна,
 Пусть до утра отдыхает она!

Сергей Смелянский

НЕ ЗЕВАЙ!

Это что за чемодан?
 Это что, гиппопотам?
 Эй, Андрюха, посмотри-
 Видно брюхо изнутри!

Мне понравилась жирафа-
 Может пыль сдувать со шкафа.
 Сказку превращает в быль -
 Со шкафов сдувая пыль.

ЗДРАВСТВУЙ, ШКОЛА!

Я себе устрою праздник -
 Нынче в школу не пойду.
 Там меня все дети дразнят
 И болтают ерунду.

Но сказала строго мама:
 «Не поймут тебя друзья,
 Лет тебе уже немало-
 Ты - учитель, так нельзя!»

ПАПИНА ДОЧКА

Дочка рисовала лето.
 Подивился я на это -
 Лето желтым не бывает,
 И багрянцем не пылает.
 Где зелёные луга?
 Где овечки, где стога?
 Где лошадки, где коровки?
 «Нет карандаша в коробке», -
 Отвечала она робко,
 Что зелёного в коробке
 Не нашла карандаша.
 «А так картинка хороша?»
 И тогда сказала я: «Доча!
 Нравится рисунок очень!
 Рисовать с тобой не бросим:
 Назовём картину-«Осень»»

СТИХИ ИЗ ЧЕПУХИ

Мы сегодня с Ванею
 Займёмся рифмованием.
 Зарифмуем всё на свете,
 Что увидеть могут дети:
 Небосвод - водопровод,
 Поворот - круговорот,
 Подземных ход - подземный крот,
 А потом наоборот.
 Назовём это стихами...
 И стихи подарим маме!

Р. Гор

ЗВЕРИНЫЙ ДОМ

Светит солнце на лужайке,
Колокольчики звенят,
Заиграл на балалайке заяц
Для своих зайчат.

Шепчет лес траве секреты,
Листья падают, кружат,
Белка вывела на ветку
Своих маленьких бельчат.

Сквозь реснички детки белки
Сверху смотрят на зайчат.
Папа заяц с балалайкой
Видит маленьких бельчат.

Жизнь в лесу живёт и дышит,
Божия летит коровка,
Есть у зайцев в огороде
Сладкая в земле морковка.

В дереве, в дупле у белки,
Про запас орешков много,
Есть чем угостить детишек,
Пусть резвятся у порога.

Мишка, волк, лиса и дятел,
Лось, кабанчик и енот -
Всем приятно слушать зайца,
Что играет и поёт.

Ирит

МЫШКА

Мышка серая в моторе
Перегрызла провода.
Ну какое ж это горе?
Это даже не беда.

Мышка бегает по кругу,
ночи стали холодней,
Скоро, скоро будет вьюга,
Ветер дует из щелей.

Мышке нужно, чтобы было
Мягко, сытно и тепло,
Чтобы мышка не простыла,
Когда всё белым - бело.

И в машине под капотом
Мышка дом себе свила,
Отдохнула от работы
И детишек завела.

Георгий Ефремов

У лисы
 Появились большие часы!
 Циферблат как тарелка.
 Секундная стрелка
 Бегаёт мелко-мелко.
 Минутная и часовая
 Двигутся не уставая
 По кругу
 И не мешают друг другу!
 Смотрит иса на стрелки:
 – Ой! Опоздала к белке!
 Не поспела к ежу,
 Что я ему скажу!
 Раньше везде успевала,
 А теперь все времени мало...
 Ну вот, уже пять!
 Опять не успела поспать.
 Шесть!
 Надо срочно поесть!
 Время бежит.
 Лисица спешит.
 Лиса! Подари мне часики!
 А сама играй в классики.

САНИ

У нашей Сани
 Зелёные сани.
 В зиму снежную, ледовитую
 Я так ей завидую!
 Вот красота:
 Можно запрячь кота!
 А Саня забыла салазки
 И ездит всю зиму в коляске –
 Где это видано?
 А можно запрячь не кота, а пса –
 И такие пойдут чудеса:
 Снег хрустит,
 Собака рычит,
 А Саня посвистывает!
 Настала зима
 И Саня сама
 В сани садится –
 Хочет с горы скатиться!
 И правильно!
 Шубку запахнула,
 Землю отпихнула –
 Села
 И полетела!

ТАПОЧНАЯ ПАНДА

У моей любимой тапки
 Есть и мордочка, и лапки,
 Ведь она – из рода панд!
 Подарю ей красный бант.
 Если мы куда уедем –
 Я с бамбуковым медведем
 Не расстанусь никогда!
 Пан-да-да!
 Я кормлю её бамбуком,
 Обучаю разным штукам.
 Не пойдём сегодня спать –
 Будем в цирке выступать!

Георгий Ефремов

О ХУДОЖНИКЕ

Исаков Алексей Юрьевич

(16 декабря 1952 – 2001, Москва) – советский художник-анималист, ставший известным благодаря своим иллюстрациям мира дикой природы, представленным на открытках, конвертах и почтовых марках. Обладатель приза «Лучшая марка СССР».

С Алексеем Исаковым мы познакомились в 1967 году, подружился и поддерживали отношения до самой его гибели

Внешняя отрешённость, даже угрюмость Лёши была обманчива. Его подлинную мягкость, уступчивость и ненавязчивость лучше всего передают его рисунки, которые, как мне кажется, допустимо называть портретами животных.

В середине 1990-х он прочитал несколько моих не вполне взрослых стихотворений и предложил сделать совместную книжку с его рисунками и моими текстами. Как это часто бывает: поболтали и забыли. То есть это я решил, что оба забыли. Но 2002 году, когда Алексей уже ушёл от нас, его семья передала мне картонную коробочку с диапозитивами, на которой Лёшиной рукой было написано «Юре. Малыши».

Это были рисунки, сделанные специально для задуманной нами общей книжки. Стало ясно, что мне не отвертеться. У меня как раз подрастала внучка, вскоре появился внук, и это придало необходимый импульс работе, которая поначалу шла очень трудно и заняла почти десять лет. Опубликовать удалось пять или шесть миниатюр, но в совсем малозаметных периодических изданиях. В 2014 году я заказал и напечатал 22 экземпляра, раздал их друзьям и стал ждать заманчивых (или хоть каких-нибудь) издательских предложений. Жду до сих пор. Считаю, что свой долг я отдал частично. Процент на десять. И счастлив сегодня, что «Игла» даёт нам всем возможность ещё раз вспомнить этого чудесного человека.

Георгий Ефремов

СОБАКЁНОК

Я собакёнок.
 Не могу без припрыжек и гонок.
 Неважно – я волк или пёс.
 Те же уши, глаза и нос.
 Хвост и четыре лапы.
 Не отличишь от папы,
 От тёти и дяди –
 Та же верность во взгляде.
 А вообще я щенок –
 Бегаю со всех ног,
 А если правильно – лапок.
 Мне только не нравится тапок...
 Я потом ему покажу!

СОВУШКИ

Совушка и совушка,
 Скажите хоть полсовушка!
 «Как вы не поймёте –
 Мы же на охоте!»

ТИГРЁНОК

Это я только пока тигрёнок –
 Нетороплив, незлобив, негромок,
 А поживу лет сто ещё я –
 И узнаете: я зверина стоящая!

Георгий Ефремов

ЩЕНОК И РЫБЁНОК

У кошки, понятно – котёнок,
У волчицы – волчонок,
У мышки – мышонок,
У медведицы – медвежонок,
Но никак я понять не смог,
Почему у собаки – щенок?
У курицы – цыплёнок?
Почему у коровы – телёнок?
А у свиньи – поросёнок?!
Кто бы мне разобраться помог,
Почему у рыбы – рыбёнок,
А у собаки – щенок!

ФИЛИНЁНОК

Я филинёнок или совёнок?
Не угадаете – я спросонок!
У меня такие большие глаза,
Что на свет показываться нельзя!
Не то возьму и ослепну я!
А вообще – то я птица великолепная.
Я живу на ёлке, в тёмном дупле.
Ель – как мачта на корабле,
А холмы – как волны морские,
А волны – они такие,
Они такие...
Вы таких никогда и не видели,
А мне рассказывали родители.
А ещё говорю вам:
Очень трудно с таким изогнутым клювом!
Что ни схватишь – всё изо рта просыпается...
Ой, мама уже просыпается!

Иллюстрации
Алексея Исакова

СПРЯТАННАЯ СКАЗКА

Перед вами труд семейного и детского психолога Family Tree Counselling (™) Ольги Щедринской.

Да-да – за этим «мерцающим» квадратиком, то есть двумерным штриховым кодом кроется психотерапевтическая сказка для детей, которым пришлось покинуть свой дом из-за военных действий. Называется она «Путешествие котёнка Тима».

Эта история и задания к ней призваны помочь детям 3-6 лет справиться с перенесенным травматическим и стрессовым опытом.

Небольшая сказка научит и детей, и родителей лучше справляться с тревогой и грустью. Даст возможность подумать о важных вещах, сообща находить выход из неприятных ситуаций, да и просто побыть вместе – почитать, порисовать, помечтать, пофантазировать.

**Мы полностью подготовили её к печати.
Вам остается лишь скачать ее по qr-коду
и распечатать на любом принтере.**

Дорогие читатели!

Мы благодарны каждому из вас за время, проведённое на этих страницах, за внимание к слову, за стремление к новым открытиям и переживаниям, которыми наполняет нас литература.

Надеемся, что прочитанное откликнулось в вашей душе, заставило задуматься, улыбнуться или, возможно, озадачило или вызвало вопросы. Для нас важно ваше мнение – что понравилось, что запомнилось, а что, может быть, вызвало споры или раздумья? Ваша обратная связь помогает нам становиться лучше и делать альманах ещё более интересным и многогранным.

Если вы тоже пишете – будь то проза, поэзия, эссе или любая другая форма самовыражения – и вам близки идеи и ценности нашего издания, приглашаем вас присоединиться к обществу авторов «Иглы»! Присылайте свои произведения на нашу электронную почту или сайт, делитесь своим взглядом на мир, своими чувствами и мыслями. Многие наши авторы начинали именно как читатели, и, кто знает, возможно, именно ваше произведение украсит страницы будущего выпуска.

Спасибо, что были с нами! До новых встреч на страницах альманаха!

Ждем вас на нашем сайте: igla.press

Пишите нам на электронную почту: info@igla.press

*С уважением,
Редакция альманаха «Игла»
Влад Галант
Карина Исакаева
Вера Арболь
Яков Наерман
Мирослава Китеж*

октябрь 2025

Творческое содружество поэтов, писателей, художников и музыкантов